

Цскорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1958

ВОТ несколько героев наших дней — членов славной армии Ленинского комсомола (см. фото сверху вниз).

Николай Смирнов — руководитель комсомольско-молодёжной бригады токарей цеха № 19 завода полиграфических машин. Его бригада в два с лишним раза перевыполняет норму. Иван Курский — штукатур 19-го строительного треста. Он успешно несёт трудовую

вахту в честь 40-летия комсомола. Галя Козырева, окончив в прошлом году десятый класс 239-й школы Ленинграда, пошла работать в совхоз «Красный выборжец». Теперь она — передовой полевод. Инна Липова, ученица 10-го класса 314-й школы, хорошая ученица и активная комсомолка.

Фотомонтаж
Г. ЛУГОВОГО

№ 10

Октябрь 1958 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Осуществление мечты

Он стоит прямой, простоволосый,
юный синеглазый паренёк.

Сыплются в президиум вопросы —
отвечай, что на сердце берёг!

Хвастаться у парня не в привычке,
да и чем похвастаешь, когда
биография — на полстраничке
все года, пути и города...

У друзей сочувственные лица,
ведь они — ровесники его...

А в окно

акация стучится,
небо полыхает синевой.

Облака клубятся над полями.
За окном простор велик и строг.
И мечты ребят
от школы прямо

вдаль ушли по тысячам дорог...

Вот и секретарь, откинув косы,
встала, опершись рукой о стол.

...Сыплются в президиум вопросы:
Принимают парня в комсомол.

В. КУЗНЕЦОВ

ЭСТАФЕТА СЛАВЫ

Комсомол, любимец
 всенародный,
Пионеров старшие друзья,
Это вас приветствует сегодня
Наша пионерская семья!

...Кажется, вчера случилось это:
В орудийном медленном дыму
Передал Ксрчагин эстафету
Младшему собрату своему.

И примером Павки ободрённый,
Горизонт окинув огневой,
Молодогвардейцев Краснодона
Поднял комсомолец Кошевой.

А когда взошло Победы солнце,
Гром боёв над Родиной умолк,
Принял эстафету краснодонцев
Молодой строитель — комсомол.

И в цехах за Невскою заставой,
На Алтае, Волге и Дону
Комсомола трудовая слава
Облетела мирную страну.

Наша клятва пусть летит по свету.
Дайте срок — немного
 подрастём,
Мы принять готовы эстафету, —
Слово пионерское даём!

Игорь РИНК

Рис. А. Илючека

Сверхплановые детали

Лежат весенними подарками,
Блестя, детали у окна;
В них отразилось небо яркое,
Весёлых тучек белизна,

И паренька мечта заветная,
И наша радостная новь,
И неподкупная и светлая
К великой Родине любовь.

Ник. КУТОВ

Первый орден

1928 год. Комсомол награждён орденом Красного Знамени.

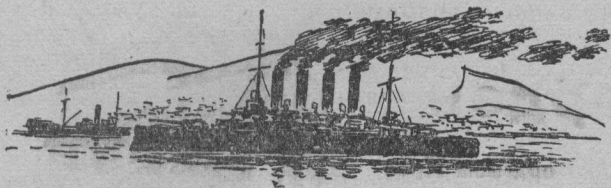
Этот первый орден получен комсомолом за боевые заслуги на фронтах гражданской войны.

Принимая этот боевой орден, комсомольцы дали торжественную клятву — не щадить своей жизни в борьбе с врагами Советской отчизны.

Рис. В. Сердюкова

П. Толстов

Рисунки А. Илючека

Это было в Мурманске

МОЛОДАЯ советская республика переживала тревожные дни. Её охватывало огненное кольцо гражданской войны. Многие мои друзья — товарищи по Нарвской заставе, члены социалистического союза рабочей молодёжи — уходили на фронт, чтобы своей грудью, кровью и жизнью отстоять завоевания Великого Октября. Всей душой рвался на фронт и я.

Не забыть того радостного дня, когда нам, молодым парням с Путиловского, вручили мандаты.

— Поедете в Мурманск, — напутствовал нас член Центрального Комитета РСДРП(б), — зорко несите там свою службу, потому что Мурманск сейчас — тот же фронт. Этот портовый город вроде калитки, через которую норовят улизнуть за границу русские капиталисты и помещики, иностранные фабриканты и заводчики, которые недавно хозяйничали на нашей земле. Сами норовят улизнуть, да ещё в придачу вывезти различные ценные бумаги, золото и бриллианты. И через эту же калитку стремится проникнуть в советскую Россию всякая нечисть...

Дня за два до отъезда зашёл я в Петроградский союз социалистической рабочей молодёжи (ССРМ), где встретил Ваню Тютикова — нашего путиловского парня. Он рассказал мне о положении на фронтах, посоветовал, с чего начать работу по организации СССРМ в городе Мурманске и на кораблях флота.

Пока мы разговаривали с Ваней, вошёл Шуваев, член ЦК СССРМ. Уз-

Учёный-медик кандидат наук Павел Васильевич Толстов с юношеских лет вступил на путь революционной борьбы. До революции он работал на Путиловском заводе. Воспоминания об этом периоде своей жизни П. В. Толстов опубликовал в № 2—3 «Искорки» за 1957 год.

Толстов принимал активное участие в создании петроградской организации рабочей молодёжи. После Великого Октября он был послан в Мурманск для организации Союза социалистической рабочей молодёжи.

нав, что я еду в Мурманск, он снабдил меня кое-какой литературой. До сих пор храню я Воззвание к молодёжи, которое дал мне в тот день Шуваев. Вот оно:

«В час величайших испытаний Великой Российской революции, в час последней мёртвой схватки труда с капиталом, в этот момент, когда обнаглевший германский империализм, задушив революционную вспышку своего пролетариата, обagrёнными, кровавыми руками накидывает мёртвую петлю на шею русской революции, когда король Фердинанд, румынский королевский палач, продажный наёмит союзных и австро-германских хищников, при прямой поддержке Российских царских генералов и отечественной банковской плутократии, под дикий, радостный

вой и свист буржуазной черни и продажной сволочи всех стран, всех мастей и рангов, объявили поход на Российскую революцию, к вам, юноши питерских фабрик и заводов, мы бросили свой призыв. К оружию, товарищи! Все, как один, в боевой юношеский отряд, все, как один, — под Красное знамя Советов, для защиты революции, для защиты дела мирового пролетариата, за торжество социализма!

Петроградский Комитет
Социалистического Союза
Рабочей Молодёжи».

Провожали нас на Николаевском вокзале (ныне Московском) десятка три парней из-за Нарвской заставы. На прощанье пели революционные песни, жали руки и дарили нам зажигалки. Спичек тогда в городе не было, и хорошая зажигалка была целым состоянием. Мастерили их в те годы просто здорово: в виде пистолета, снаряда, винтовочной пули. Украшались зажигалки затейливыми насечками, а порой даже перламутровой инкрустацией.

Ударил третий звонок. Перрон медленно поплыл назад.

— Пишите письма!

— Лихом не поминайте!..

Мы стояли у открытой двери вагона-теплушки, махали остающимся товарищам шапками. Никто не знал, приведётся ли встретиться ещё.

Медленно плёлся наш поезд. То и дело его задерживали у семафоров, загоняли в станционные тупики, а то и просто он останавливался на перегоне.

— Вода кончилась! — объявлял машинист.

И тогда мы, пассажиры, хватали вёдра, мчались к ближайшему озерцу или речке.

Лишь на четвёртые сутки состав загромыхал по берегу бурной реки Колы. Мурманск ещё скрывался за

холмами, но был он уже совсем близко. Наконец лязгнули буфера в последний раз, и поезд остановился. Подхватив тощие свои котомки, мы высыпали на улицу. Где же город?

Мурманск в ту пору имел невзрачный, неказистый вид. Наиболее приметными были в нём лишь три здания: одноэтажный дом Совдепа (Совета депутатов), больница барачного типа да небольшая деревянная церквушка. Остальные дома и полукруглые бараки тесно и беспорядочно лепились друг к другу. В них ютились работники военного и торгового портов, служащие административных учреждений. Но особенно жалкий был вид у «Шанхай-города», где обитали семьи китайцев-грузчиков. На склоне горы, в сосновом лесу, тесно прижавшись к заливу, громоздились какие-то ящики с узенькими дверьми и крохотными оконцами. Это и был «Шанхай-город». Даже не верилось, что в таких тесных, продуваемых

со всех сторон ветром клетушках могут жить люди.

В день приезда нас представили морскому начальнику. Он и определил моего товарища Николая Панкратова машинистом на яхту «Соколица», а меня — машинистом на крейсер «Аскольд», громада которого темнела на Кольском заливе. Собственно, назначение нас на корабли было лишь простой формальностью, чтобы мы смогли стать на довольствие, получить обмундирование и жильё. Работать же мы стали в Совдепе.

С жильём нам повезло. «Аскольд» стоял на рейде против Мурманска, и это давало мне возможность в любое время бывать на берегу, чтобы встречаться с молодёжью. Яхта же «Соколица» часто выходила в Александровск (ныне г. Полярный) и на побережье Баренцова моря. В этих походах Коля Панкратов налаживал связь с молодёжью побережья.

Через ячейки РСДРП (б) мы организовали собрания молодых рабочих на транспорте «Ксения», где размещались механические мастерские по ремонту судов военного и торгового флота. Не раз мы с Панкратовым выступали тут с речами — рассказывали о международном положении страны, разъясняли, какие задачи стоят перед Социалистическими союзами рабочей молодёжи, помогали разобраться в той сложной обстановке, которая царила в Мурманске.

На кораблях флота тоже народ был пёстрый. У нас на «Аскольде» служило немало гардемарин — сынков помещиков и капиталистов. Среди матросов попадались эсеры, меньшевики, с которыми судовой комитет вёл непрерывную борьбу.

А тут ещё «союзники»...

В начале марта 1918 года на мурманском рейде, по соседству с «Ас-

кольдом» и «Чесмой», без предупреждения появились английский броненосец и крейсер. А недели через три, также без предупреждения, бросили якоря французский крейсер и американский броненосец.

23 марта 1918 года созвали общегородское собрание. Перед населением Мурманска выступили английский адмирал Кемп, французский генерал Ниссель и американский лейтенант Мартин. Они говорили, что пришли в Мурманск для того, чтобы защитить этот край от вторжения немецких полчищ, заверяли в добрых своих намерениях. Но им не очень-то верили. Тем более, что эсер Юрьев, переводивший речи господ иностранцев, был чересчур угодлив.

— Похоже, господа иностранцы хотят наложить лапу на наши богатства, — негромко переговаривались мурманцы. — Аппетит у них волчий!..

Выслушав сладкие речи «союзников», мы поняли, что работу среди молодёжи следует перевести на нелегальное положение. В члены ССРМ мы начали принимать только хорошо проверенных парней и девушек, собрания проводить тайно, под видом прогулок и охоты. В посёлке Дровяное и городе Кола мы организовали тайные склады оружия, боеприпасов на тот случай, если придётся формировать юношеские партизанские отряды для борьбы с «союзниками».

Вскоре из-под овечьей шубы, которой прикрывались пришельцы, начала вылезать наружу жёсткая волчья шерсть. Клуб моряков, где мы часто устраивали молодёжные собрания и вечера, где мне однажды пришлось исполнять роль невесты в пьесе А. П. Чехова «Свадьба», иностранные моряки превратили в свой притон. Тут начались пьянство, дебоши, драки. Всячески они стремились затеять скандал с русскими моряками, но безуспешно.

Местное население приняло заморских гостей настороженно, даже

враждебно. Зато нам мурманцы помогали от чистого сердца. С особой теплотой я вспоминаю китайских грузчиков. С их помощью разоблачили мы не одного прохвоста, который пытался вывезти за границу запрещённый груз, золото и другие драгоценности. Нередко наблю-

далась такая картина: вот несёт китаец чемодан или ящик и вдруг, как бы нечаянно, роняет его, да с такой силой, что содержимое разлетается во все стороны. Мы — тут как тут. Смотрим, что за груз и кто его хозяин. Подозрительных задерживали, допрашивали.

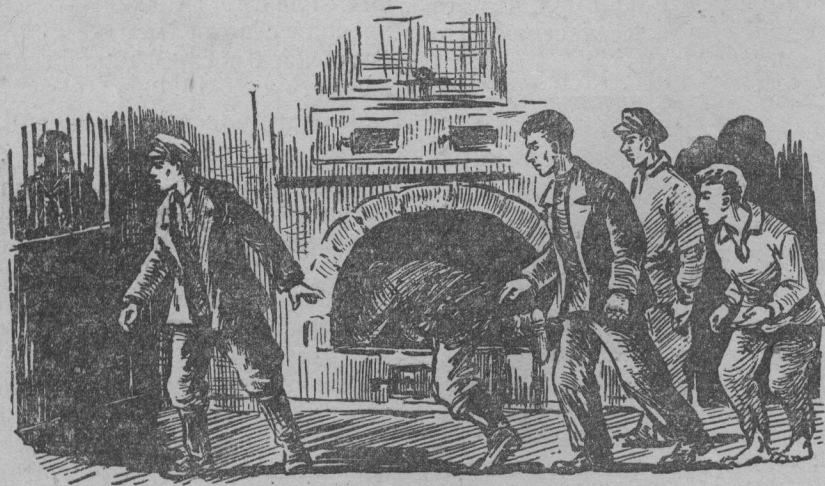
В те годы по всему Баренцову побережью свирепствовала цинга. Однажды на тральщике № 23 мы совершили очередной объезд островов, посетили многие рыбацьи становища. В Цып-Наволоке нашли множество цинготных больных и решили отправить их в Мурманск. Погрузили на попутное торговое судно «Фёдор Чижов», пошли. И вдруг перед нами возникла шхуна. В упор она открыла огонь из орудий по нашему невооружённому, переполненному больными судну. Через 10 минут «Фёдор Чижов» был на дне. Море кишело больными людьми, которым команда всё

же успела раздать спасательные средства. Когда вода достигла капитанского мостика, мы вместе со старшим помощником капитана Владимиром Ивановичем Ворониным (впоследствии известным полярным исследователем) тоже бросились в воду. На наших глазах шхуна убрала па-

руса и погрузилась в воду. Она оказалась подводной лодкой неизвестной национальности.

Вскоре к месту катастрофы подошёл тральщик № 23. Он подобрал всех уцелевших и доставил в Мурманск. Но городская больница оказалась переполненной до отказа. Пришлось нам погрузить обессиленных, больных рыбаков в товарные вагоны и отправить в Петроград.

Летом 1918 года Мурманск напоминал огромный военный лагерь. Тут можно было встретить французов, англичан, американцев в морской и пехотной форме. К причалам всё чаще и чаще пришвартовывались транспортные корабли с десантными войсками. «Союзники» хоть и прикидывались ещё благодетелями, но с каждым днём распоясывались всё больше. Они бесчинствовали в городах и сёлах Кольского полуострова. В конце июля мы узнали страшную

весть: англичане расстреляли в Кеми председателя исполкома Совдепа Масарина.

Наступило 1 августа. В этот день интервенты согнали к зданию Совдепа большинство населения Мурманска. На крыльце в сопровождении иностранцев появился эсер Юрьев, произнёс речь. Потом он предоставил слово английскому адмиралу Кемпу, который и на этот раз уверял в том, что Англия не намерена вмешиваться во внутренние дела России. Но ему никто не верил.

— Не вкручивай шарик! Вагоны подавай, отправляй в Россию! — грозно рокотала толпа.

В этот момент приоткрылась дверь Совдепа. На пороге появился английский офицер и поманил меня пальцем. Стоило мне войти, как откуда ни возмись наваливаются два дюжих молодца, скручивают руки верёвкой, затыкают рот тряпкой и волокут в глубину здания.

Поздно ночью меня отвели и втолкнули в хлебопекарню, оказавшуюся битком набитой арестованными, среди которых я увидел многих знакомых большевиков. Были тут и с «Аскольда», и с «Чесмы», и с транспорта «Ксения».

— Табак дело! — встретили меня знакомые. — «Благодетели», кажется, затевают то же, что и в Кеми... Надо тикать отсюда, пока живы...

Бежать! Каждый понимал, что это единственный путь к спасению. Но как бежать?

На наше счастье, часовым оказался чех.

— Открой, друг!..

— Открыть не могу, увидят. И ключей нет, — возразил часовый. — Бегите через дымоход, он достаточно просторный. А печь не горячая.

Печь, действительно, была холодной, она не топилась около двух месяцев. Дело в том, что англичане припрятали муку, а населению выдавали вместо хлеба пресные галеты, чтобы показать, что без их «помощи» Советской России не обойтись!

Вылезли мы на крышу, скатились в кусты и оврагом неслышно поползли к своим друзьям — китайцам в «Шанхай-город».

На мой стук приоткрылась дверь домика-ящика и на пороге появился Люй Шен-ин.

— Выручай!

Грузчик смертельно перепугался, остолбенел. А когда пригляделся и узнал в перемазанном сажей бродяге меня, то воскликнул:

— Шибко шанго пугать людей по ночам такой тёмной декорацией!

Люй Шен-ин раздобыл для меня и моих товарищей-беглецов две лодки. Мы быстро в них сели и взяли курс на посёлок Дровяное.

Издали нам хорошо были видны корабли на рейде.

А вот и наш «Аскольд». На нём не видно вахтенных. Только солдаты английской морской пехоты что-то поспешно выбрасывают за борт. Это наша библиотека, обмундирование, наши личные вещи.

Уже в Дровянном мы увидели, что после собрания моряки «Аскольда» не были допущены с берега на корабль. «Союзники» сняли без всяких объяснений также и вахтенных.

Когда боцман Войцеховский покинул корабль, он зло спросил:

— А самовар?

Тут англичане вспомнили, что в кают-компании стоит подарок рабочих Глазго (Англия) — самовар, преподнесённый морякам «Аскольда» вскоре после Февральской революции.

— Вот, вот ваш самовар! Забирайте!..

В спешке англичане даже утопили у борта «Аскольда» крышку от дарственного самовара, и был он доставлен в Петроград, в Морской музей, без крышки — подарок английских рабочих русским революционным морякам.

Моряки «Аскольда», лишённые своего корабля, сконцентрировались в городе Кола. Очень кстати теперь оказались оружие, взрывчатка, боеприпасы, которые мы заготавливали

впрок по секрету от захватчиков — англичан, американцев, французов. Благодаря этому оружию интервенты вынуждены были с нами считаться. Вот почему в ответ на наше ультимативное письмо они подали вагоны для отправки нас на родину, в Петроград.

Но и тут не обошлось без обмана: поезд дошёл до станции Сорокская, а дальше нам было предложено следовать пешком.

Мы пошли. Но вслед за нами полетели на воздух железнодорожные

мосты, запылали станционные сооружения. Путь для продвижения интервентов, для наступления их на молодую Советскую Россию с севера мы старательно делали непроходимым.

Вот и река Онда. Здесь мы встретили небольшой красновардейский отряд. Всего одна пушка-трёхдюймовка да два пулемёта «Максим» были на вооружении отряда. Но их стволы решительно были наведены на север, в сторону интервентов, которые пришли на нашу землю.

Песня о гибели комсомольца

Где трава шумит на воле,
Где огонь зарниц играл,
Там в широком чистом поле
Комсомолец умирал.
Пули мчались с ветром вровень
И вонзились горячо.
Пуля первая — в надбровье,
Пуля новая — в плечо.
И когда он вскинул руку
Над сплетением дорог,
Мир огромный на разлуку
С комсомольцем рядом лёг.
Будто смертная истома
Обняла его, как дым,

И ребята из райкома
Наклоняются над ним.
Будто рута* шепчет снова,
Будто льётся, как река,
Комсомольской песни слово,
Песни, посланной в века.
И поплыл он над раздольем,
Свет зарниц внизу играл...
Так в широком чистом поле
Комсомолец умирал.

Андрей МАЛЫШКО
Перевёл с украинского
Бронислав КЕЖУН

* Многолетние травы и полукустарники.

Из летописи комсомольской славы

29 ОКТЯБРЯ 1918 года на I Всероссийский съезд союзов рабочих и крестьянской молодёжи в Москве собрались юноши и девушки. На нём был основан Российский Коммунистический Союз Молодёжи.

* * *

Первые юношеские организации рабочих возникли в крупных городах, на больших заводах. В Ленинграде такая организация была создана на Путиловском заводе (ныне Кировский). Организатором её был юный большевик Вася Алексеев.

Вася Алексеев шестнадцати лет вступил в партию.

Мужественно перенёс он свой первый арест. Жандармы били юношу, требовали, чтобы он назвал других подпольщиков, но он никого не выдал.

Молодой коммунист Алексеев был участником VI съезда партии, который принял решение о союзах молодёжи.

По поручению партии 7 апреля 1917 года Вася Алексеев собрал молодых рабочих-путиловцев и организовал союз молодёжи. Васю любили на заводе и шли за ним.

Таких союзов после VI съезда партии появилось много.

Впоследствии они были объединены в единый Коммунистический Союз Молодёжи, который стал верным помощником партии.

* * *

В годы гражданской войны по призыву партии тысячи комсомольцев ушли на фронт.

...Петроградский паренёк, 18-летний комсомолец Саша Кондратьев, стал комиссаром Невельского полка. О его мужестве и героизме знали не только свои, но и белогвардейцы.

Вот что писали враги о молодом советском войне-комсомольце:

«Под натиском наших отряд крас-

ных стал отступать к лесу. Несколько человек было убито. Отстреливаясь из пулемёта, комиссар 27-й дивизии Невельского полка дал возможность остальным укрыться в лесу, и в это время был ранен в ногу. Геройски защищаясь, он достиг уже опушки леса, но, ослабев, упал. Теряя силы и сознание, он проявил величайшее мужество и в последний момент при подходе к нему, убив 10 человек, последней пулей в рот покончил с собой».

«Коммунисты умирают, но не сдаются!» — были последние слова красного комиссара.

Советское правительство посмертно наградило Сашу Кондратьева орденом Красного Знамени.

Сколько таких героев родилось в огне гражданской войны!

* * *

В 1920 году, когда ещё шла гражданская война, состоялся III съезд комсомола. На нём выступил Владимир Ильич Ленин.

Ещё не отгремел гром гражданской войны, страна не залечила тяжёлых ран, а Владимир Ильич уже призывал комсомольцев учиться. Он призывал комсомол учиться коммунизму, овладеть всей суммой знаний, которые выработало человечество, уметь связывать каждый шаг своего учения с жизнью, с борьбой.

Владимир Ильич Ленин говорил, что каждый юноша и девушка уже с 12 лет должны участвовать в общем труде народа.

После съезда многие комсомольцы уехали обратно на фронт. Всем хотелось скорее победить врага, чтобы взяться за учение, начать трудиться.

И такое время наступило: комсомольцы сели за парты, работали и учились, торопились овладеть знаниями.

Второй орден

1931 год. За трудовые подвиги в годы первой пятилетки комсомол получил вторую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени.

На самых ответственных участках строительства, в мороз и зной, днём и ночью комсомольцы самоотверженно трудились. Их пример воодушевлял всех юношей и девушек.

Рис. В. Сердюкова

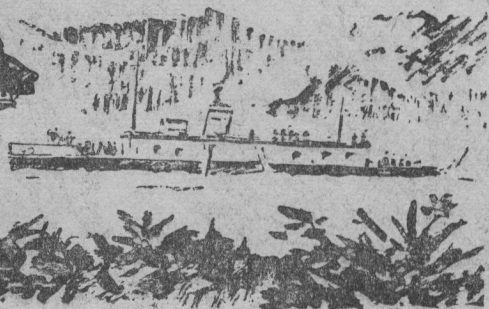

1. РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Дремучий мир лежал перед
глазами.
Поросшая косматыми лесами,
Дымилась марь.
И сопки на заре
Под облачными плыли парусами
В сверкающей росе, как
в серебре.

Чубатый гармонист из Армавира,
Тот даже рот раскрыл, оторопев...
Но с парохода громко,
Нараспев
Раздалось:
— Майна!
Подхватили:
— Вира!
Даёшь аврал! —
И эхо повторяло
Ту перекличку первого аврала.

Рисунки А. Мартынова

Здесь были парни с Дона и Оки,
Плечистые прокатчики с Урала,
Мои с заставы Нарвской земляки,
И москвичи,

что на подъём легки,
И мурманчанин в куртке нараспашку,
И киевлянин в вышитой рубашке,
И девушка с лопатой на плече,
Вся бронзовая в солнечном луче.
Болотом,
Бездорожьем,
Напролом
Они пошли, врубаясь в бурелом.

На сапогах —

тяжёлой глины комья...
...За тыщи километров отчий дом,
Последнее напутствие в райкоме,
Прощальный вечер в клубе заводском.

Потом в кумачных лозунгах перрон,
Протяжная команда:

— По вагонам!

И на восток уходит эшелон,
И в нём поют о Щорсе и Будённом...
Ещё рейхстаг в Берлине не пылал,
Испанией не бредили подростки;
Ещё был Горький жив,
Ещё Островский
На ощупь о Корчагине писал.

Без Ильича уже девятый год
Жила страна.
Но ленинской тропой
Мы шли вперёд под светлую звездою.
Мы видели,
Мы знали наперёд,
Каких вершин достигнет наш народ,
Какое солнце всходит над землею.

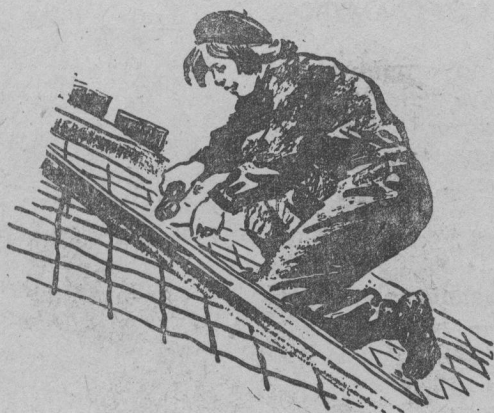

...И топоры ударили, остры,
В кору столетних кедров над Амуром.
До ночи труд кипел —
без перекура.

Сгустилась тьма —
И вспыхнули костры.
И, раздвигая таволгу рукой,
Нанайский мальчик,
Смуглый и раскосый,
Смотрел на них с прибрежного откоса,
Впервые свет увидев над тайгой.

Скользил туман над медленной водой
К широкому простору океана...
Так был заложен город молодой.
Так становились явью
Строки плана.

Нелёгк нами выбранный маршрут.
Но счастлив я,
Что с самого начала
Со мной доныне в памяти живут
Короткий митинг,
Грохот аммонала,
Величие «Интернационала»,
И воздух

тех торжественных минут,
В котором, как присяга, прозвучало:
«Владыкой мира будет труд!»

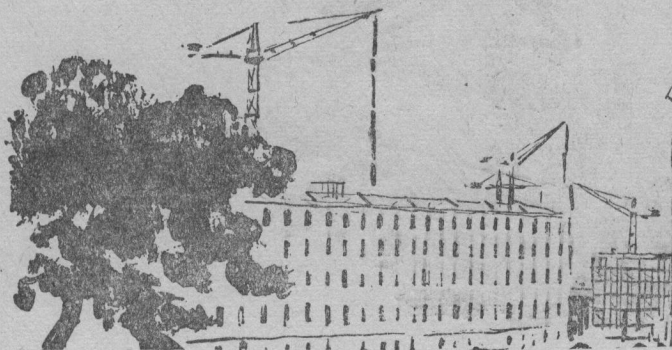
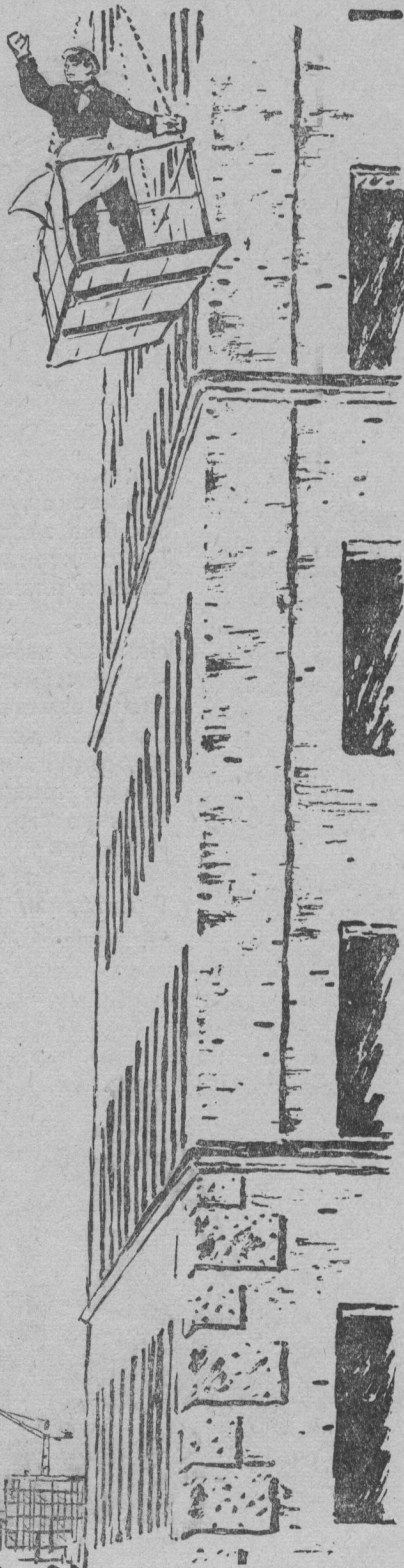
2. РАССВЕТ НАД АМУРОМ

Солнце брызнуло по стропилам,
Разом смыло ночную тень.
Запевают электропилы,
Начиная рабочий день.
Улетает зари полоска.
Через час —

она за Читой,
Через пять часов —
над Свердловском,
Через семь часов —
над Москвой...

Озарён автогенной вспышкой,
На строительные леса
Забирается вверх парнишка,
Аж под самые небеса!
Знать, крепка у парнишки хватка,
Молодая рука легка:
Камень к камню,
Ложится кладка
Не на годы,
А на века!
Он мальчишкой читал когда-то,
Жадно слушал перед костром,
Как с путёвкой Цека

ребята
Приезжали в тридцать втором,
Вязли в глине,
От ливня скользкой,
Пни взрывали на берегу,
Чтоб кварталами Комсомольска
Отодвинуть к горам тайгу,
Чтобы в ней, как лучи, — проспекты,
Чтобы счастье обжилось тут...
Сколько песен о том пропето,
Сколько завтра ещё спюют!
На виду у держав заморских,
В славе,
В доблести трудовой,
Люди города Комсомольска,
Как всегда,
на передовой!

Ровесница

Уже не лето и ещё не осень,
Лишь паутинки в капельках росы
В твои тугие золотые косы
Вплелись, не омрачив твоей красоты.
Ещё в лугах услышишь запах

мяты,

А плечи сводит первым холодком.
Ты помнишь, как с тобою мы

в тридцатом

Ходили вместе на село в райком?
Так, самые в ячейке молодые,
Мы шли в село с вопросом той

поры:

«Когда и как и на пути какие
Переведут крестьянские дворы?»
Собрания и первые ликбезы,
Вопросов и ответов вечера,
Когда на нас десятками обреза
Кулацкие глядели хутора.
И сколько было слухов невесёлых!
Честили нас за наши же труды.
Тогда ещё не очень дружно сёла
Справляли праздник первой

борозды.

Мы сами, встав ещё до зорьки
ранней,

Ровняли межи кулакам назло.

И, может, из-за сходов на

свиданье

Ночами не ходили на село.

Гордишься ты подростками сынами

И дочке замуж нынче выйти срок,

Но и сегодня рядом с орденами

Я вижу старый кимовский значок.

Перевёл с белорусского
Леонид ХАУСТОВ

Рисунки Н. Кузнецова

Из летописи комсомольской славы

На VIII съезде комсомола в 1928 году комсомолу был вручён первый орден — орден Красного Знамени. Это была награда за боевые подвиги комсомольцев в гражданской войне.

В годы первой пятилетки родились ударные бригады. Их создавали коммунисты и комсомольцы.

Участники строительства Сталинградского тракторного завода вспоминают, как комсомольцы по 2—3 дня не уходили домой, спали на стройке.

И в деревне комсомольцы были первыми помощниками партии.

* * *

...В 1931 году на Кубани стали известны комсомольцы одной МТС в станице Атаманской. Они помогли объединить бедняков и середняков в колхозы, мужественно боролись с кулаками, трудились не покладая рук.

Однажды директор МТС зашёл вечером в ремонтную мастерскую. На пороге столкнулся с молодым рабочим, который шёл, пошатываясь.

«Неужели пьян?» — подумал директор, узнав в этом пареньке одного из активных комсомольцев. Из мастерской вышел секретарь комсомольской организации.

— Посмотри на своего комсомольца, он же пьян... — возмутился директор.

— Что вы! — удивился секретарь. — Этот парень двое суток из мастерской не выходил, не ел, не спал, чтобы только закончить ремонт сеялок.

Так работали, забывая сон и отдых, комсомольцы.

* * *

...На далёкой реке Амур, среди дремучей, непроходимой тайги, стоит сейчас большой, красивый город —

Комсомольск. Его тоже построили комсомольцы. Это было в 1932 году. Сотни юношей и девушек по призыву партии поехали на Дальний Восток.

За годы Отечественной войны три с половиной миллиона комсомольцев награждены орденами и медалями, семь тысяч Героев Советского Союза — комсомольцы. 60 комсомольцев дважды удостоены звания Героя Советского Союза.

...Ноябрь 1945 года. В Колонном зале Дома союзов идёт XIV пленум Центрального Комитета комсомола. На трибуну поднимается Михаил Иванович Калинин. Он вручает комсомолу третий орден — орден Ленина.

* * *

...Кто не помнит, как наш народ провожал комсомольцев на целинные земли! В те дни из Октябрьского района Ленинграда уезжал на целину и Виктор Котиков. Спустя немного времени его мать получила письмо:

«...Работаю бригадиром. Спать это время приходилось мало, но я на судьбу не обижаюсь. Урожай убрали хороший. Сейчас в совхозе горы зерна.

Твой целинник жив и здоров и вам того же желает».

В письме ни слова о трудностях, о том, что пришлось пережить первым комсомольцам, приехавшим на целину.

В ноябре 1956 года комсомол был награждён третьим орденом Ленина. Это была уже пятая награда. Комсомольцы заслужили её, потому что справились с трудным и почётным заданием Коммунистической партии — вспахали целину, собрали невиданный урожай хлеба.

Третий орден

1945 год. Ратными подвигами прославил себя комсомол в годы Великой Отечественной войны. За боевые подвиги, за патриотическое воспитание советской молодежи комсомол награжден орденом Ленина.

Наш народ никогда не забудет своих отважных сынов и дочерей — членов Ленинского комсомола, которые с оружием в руках, презирая смерть, вместе со всеми советскими людьми отстаивали свободу и независимость Родины.

Рис. В. Сердюкова

Три фронтовых истории

ПРОСМАТРИВАЯ недавно свои тетради военного времени, я наткнулся на эти бесхитростные истории. Записаны они явно наспех, той стремительной скороговоркой, которая была присуща большинству фронтовых корреспондентов, — лишь бы сохранить для памяти сам факт, лишь бы не забылось главное.

Все три истории произошли в разное время, с разными людьми и на разных участках фронта. Казалось бы, ничего общего. И всё же меня удивило несомненное между ними сходство. Оно, это сходство, заключалось не только в том, что героями всех трёх историй были комсомольцы, но и в поразительной настойчивости, в неукротимом стремлении к победе, с какими они действовали.

Впрочем, не буду забегать вперёд и навязывать читателю свои выводы. Пусть читатель сам их сделает.

1.

ОНИ стерегли небо под Ленинградом.

Их наблюдательный пост был сооружён в глухой местности, вдали от проезжих дорог. Кругом цвели заболоченные лесные озёра. Охота сорвалась из-за войны. На озёрах безмятежно плавали утиные выводки.

Фашистские бомбардировщики чаще всего появлялись на рассвете, с восходом солнца. Как раз в этот час оживало нетронутое птичье царство.

Лёша Петров ложился ничком на землю, настороженно прислушивался. Тонкий металлический звон возникал с запада, постепенно переходя в ясно слышимое завывание.

— Идут! — говорил Лёша, поднимая глаза на небо. И действительно, скоро показывались бомбардировщики с чёрными крестами на крыльях.

— Девять «Юнкерсов»! — сообщали они на командный пункт. — Курс 92, высота 25!

С нашего аэродрома поднимались звенья дежурных истребителей, на каких-то зенитных батареях настораживались боевые расчёты, а на улицах и площадях Ленинграда начинали реветь сирены воздушной тревоги.

Наблюдатели могли только догадываться обо всём этом. Их обязанность была проста: вовремя обнаружить врага, вовремя сообщить. Правда, иной раз и они узнавали о результатах вражеского налёта. Если обратно возвращались лишь пять бомбардировщиков из девяти, то нетрудно было отгадать судьбу остальных.

Пятеро молодых парней, пятеро комсомольцев, они стерегли вверенный им кусок неба под Ленинградом, попеременно дежурили на вышке, читали вслух «Овода», угощались в свободное время сладкими лесными ягодами и, конечно, мечтали о подвигах.

Командиром поста был Иван Солодков. Богатырского телосложения, высокий и плечистый, он отличался добродушием. В армии Солодков служил третий год и, куда бы ни забросила его солдатская жизнь, всюду таскал с собой балалайку. Вдвоём с Лёшей Петровым они усаживались вечером где-нибудь в сторонке и сперва вполголоса, потом всё громче и смелее затягивали песню про казака, который ехал на чужбину, про девушку, напрасно ждавшую его у околицы. «Солдат спит, а служба

идёт», — любил говорить Солодков, хотя спать ему приходилось меньше других.

Костя Иванов, маленький, с пухлыми щеками и веснушчатым носом, отличался застенчивостью. Стоило ему ошибиться в самой малости, сказать невпопад, и лицо его покрывалось настолько густым румянцем, что товарищам становилось жалко Костю.

Миша Ильин, собиравшийся до войны поступить на курсы библиотечарей, питал жадное пристрастие к печатному слову. Ему принадлежал и затрёпанный экземпляр «Овода» с оторванной обложкой. Едва на пост привозили почту, а случалось это не каждый день, Миша забирал газету и устраивал громкие читки. В сводках Совинформбюро рассказывалось о наступлении врага, об оставленных нами городах. Лица друзей темнели, а добродушный Солодков, забыв про своё командирское положение, говорил сквозь зубы:

— Попался бы мне хоть один гад!

Но поблизости фашистов не было. Лишь крикали на озёрах утиные выводки.

Так они и жили на своём наблюдательном посту, пятеро молодых парней, пятеро комсомольцев.

В середине августа линия фронта приблизилась к их озёрам. Вражеские самолёты появлялись теперь всё чаще, но бои кипели в стороне от наблюдательного поста, поближе к шоссе-дороге.

Гитлеровцы пытались тогда захватить город Лугу, стоявший на пути к Ленинграду. Каждый день явственно слышалась артиллерийская канонада. Пушки били безумолчно — значит, Луга ещё держалась.

Однажды вечером на наблюдательный пост сообщили, что фашисты бросили колонну своих войск через озёрный край. Бойцам было приказано удвоить бдительность и без приказа не отходить. По-прежнему их задача заключалась в том, чтобы караулить небо.

Через несколько часов бой завязался совсем близко. Даже хриплые

очереди автоматов доносились до наблюдателей.

Всем сердцем рвались туда комсомольцы. Они имели по винтовке, по три гранаты. Что ещё надо смелому человеку? Но разве можно покинуть пост?

На рассвете враг перенёс миномётный огонь на лесок, в котором находился наблюдательный пост. Первые мины с зловещим хрипением ударились в тихое озерко, подняли столбы воды и зелёной тины.

— Ложись! — приказал Солодков, а сам остался стоять на вышке.

Мины падали всё ближе. Валились обломанные верхушки сосен. Рядом с Лёшей Петровым залёт Костя.

— Не робей! — шепнул Лёша. Бывалый солдат, он участвовал ещё в войне с белофиннами, не раз попадал под обстрел.

— А я и не робею вовсе, — тихо ответил Костя и почему-то покраснел. — Бьют больно здорово!

Огневой налёт был и в самом деле сильным. Мины сыпались одна за другой, хотя, кроме пятерых наблюдателей, никого в этом леску не было.

Вдруг Лёша услышал позади себя стон. Он подполз к вышке и увидел лежащего в траве Солодкова. Смертельно раненный командир поста умирал. Губы его беззвучно шевелились, он что-то хотел сказать напоследок. Лёша пригнулся и не столько услышал, сколько понял последний приказ командира:

— Воздух... наблюдайте!..

И тут грохнула рядом мина. Лёшу забросало землёй, обломками сосны. С трудом он поднялся, в голове гудело. Самое удивительное было в том, что стало вокруг тихо. Ни звука кругом — тишина.

Но обстрел продолжался. Вот справа взметнулся фонтан земли, вот ещё один, ещё... А тишина не нарушалась. И тогда Лёша понял, что оглох. «Воздух... наблюдайте!» — это было последнее, что он услышал, и это вошло в его сознание.

Над лесным озерком медленно

всходило огромное солнце, запылал утренний пожар на рыжих стволах сосен. Было тихо.

Друзья Лёши погибли. Лишь Костя Иванов ещё шевелился, пытаясь подползти к берегу. Лёша сделал ему перевязку, сбегал за водой, зачерпнув полную пилотку. Ноги совсем не слушались его, сделавшись чугунными, голову разламывало от тупой боли.

Лёша остался один.

На рассвете появлялись самолёты врага. «Воздух... наблюдайте!» — приказал Солодков, умирая. Это ничего, что Лёша лишился слуха, — самолёты можно видеть.

Лёша действовал обдуманно, не спеша. Проверил провод, связь с командным пунктом действовала. Нашёл сброшенный с вышки телефон — аппарат не был испорчен. Забрался на вышку, начал наблюдение за небом. И скоро увидел вражеские бомбардировщики. Их было двенадцать. Они шли на обычной высоте, обычным курсом, направляясь бомбить Ленинград.

— Двенадцать «Юнкерсов»! — закричал в телефонную трубку Лёша. Он не слышал собственного голоса, он лишь повторял без конца: — Двенадцать «Юнкерсов»! Двенадцать «Юнкерсов»!

На боевом посту Лёша Петров оставался до вечера. Ухаживал за раненым Костей, собрал и положил

рядом с собой четыре винтовки, зорко наблюдал за воздухом.

Где-то неподалёку от поста наши части громили в то время немецкую колонну, которая хотела окружить Лугу и сама попала в окружение. Горели вражеские танки, грёхотала канонада.

Лёша не слышал ничего. Сменили его вечером. Он сдал, как положено, всё боевое имущество и оружие поста, поцеловал мёртвых друзей и отправился в госпиталь.

Вот и вся история о пяти комсомольцах, которым было приказано стеречь кусок неба под Ленинградом.

2.

ФОМИН был нетерпелив. Ожидание угнетало его подобно зубной боли. Он ложился и вставал с одной единственной мыслью: поскорей бы в бой!

Дни танковых экипажей были заполнены напряжённой учёбой. На большом заснеженном плацу они преодолевали глубокие рвы, отрабатывали боевые порядки, тренировались в стрельбе с ходу.

Часто над головой танкистов свистели тяжёлые снаряды врага. Фомин напряжённо прислушивался к грохоту отдалённых разрывов — это дальнобойные батареи обстреливали Ленинград. На фронт проходили мимо плаца колонны молодых солдат из пополнения. По ночам вспыхивали на горизонте и медленно опускались осветительные ракеты. Всё это ещё больше распаляло Фомина. Когда же они пойдут в бой?

Приказ прибыл ночью. В четвёртом часу взвод подняли по боевой тревоге, и лейтенанта Фомина вызвали в штаб полка. Вернулся он сияющим. Энергия огромного напряжения хлопотала в нём, ища выхода.

Ночной марш к исходной позиции прошёл отлично. Тяжёлые «КВ» двигались по узкой зимней дороге на малых скоростях. В темноте их силуэты казались огромными. Передний край был легко различим в очках приборов по сплошной ленте огоньков.

У исходной позиции танки стал накрывать миномётный огонь. Фашисты били на шум моторов, мины падали с недолётом.

Всё шло как положено. Фомин принял по радио приказ рассредоточить машины, вылез из своего «КВ», обошёл экипажи, на ходу перебрасываясь со своими людьми короткими фразами.

— Ну как, долбанём фрица? вспомним ему за всё?

Фомин был возбуждён, и его настроение невольно передавалось танкистам.

— Долбанём! — говорили они. — вспомним!

Близился час танковой атаки. Рядом с взвизгиванием рвались мины. Ракеты немцев бороздили серое небо, расписывая на нём какие-то причудливые фигуры. Изредка доносилась пулемётная очередь.

Фомину вспомнился родной Барнаул. Проводы на вокзале, заплаканное лицо матери и шумная ватага ткачих, пришедших попрощаться со своим комсоргом: «Пиши, Федя, не забывай! Дерись, Федя, по-настоящему!» Что ж, он готов драться. Время учёбы кончилось, через несколько минут атака, теперь надо показать, на что он способен.

С КП подали условленный сигнал. Впереди пошла машина Фомина, стремительно набирая скорость. За ней устремились остальные.

Теперь всё зависело от наблюдения за противником. Фомин прилёг к глазку окуляра. Одно дело видеть огневые точки врага на схеме, нарисованной разведчиками, другое — разглядеть их своими глазами. Скорей разглядишь — скорей уничтожишь.

Немцы усилили огонь. Снаряды разрывались впереди танка, осколки стучали по броне, как частый дождь. Только бы разглядеть огневые точки!

Снаряд ударил совсем близко, взметнув мёрзлую землю. Непробиваемое стекло триплекса потемнело, точно его завесили снаружи.

— Бобров, быстро очисти триплекс! — крикнул Фомин в ухо командира орудия.

Пока Бобров, изгибаясь наподобие циркового акробата, просовывал в отверстие десантного люка длин-

ную палку с намотанной на неё тряпкой, Фомин увидел фашистский дзот. Противотанковая пушка лаяла в нём, как угорелая дворняжка. Фомину даже показалось, что он различает торопливые движения артиллеристов — за обрубками обугленных сосен что-то мелькало.

Кровь хлынула к лицу Фомина. Если бы его спросили потом, как он уничтожал этот дзот, первый свой дзот, навряд ли получился бы связанный рассказ. Работал почти бессознательно. Рывок на поворот башни. Нажим на спусковую педаль. Ещё нажим.

Первый снаряд разорвался метрах в двадцати от обугленных сосен. Недолёт. Второй ближе. Третий накрыл точно. И сразу к Фомину возвратилось утраченное спокойствие. На душе стало легко.

Следующий дзот он расстреливал с такой уверенностью, точно занимался этим делом всю жизнь. Засевшие в траншее фашисты не выдержали. Фомин видел их фигурки в длиннополых шинелях и надвинутых на уши пилотках. Длинная пулёмётная очередь заставила фигурки упасть в снег.

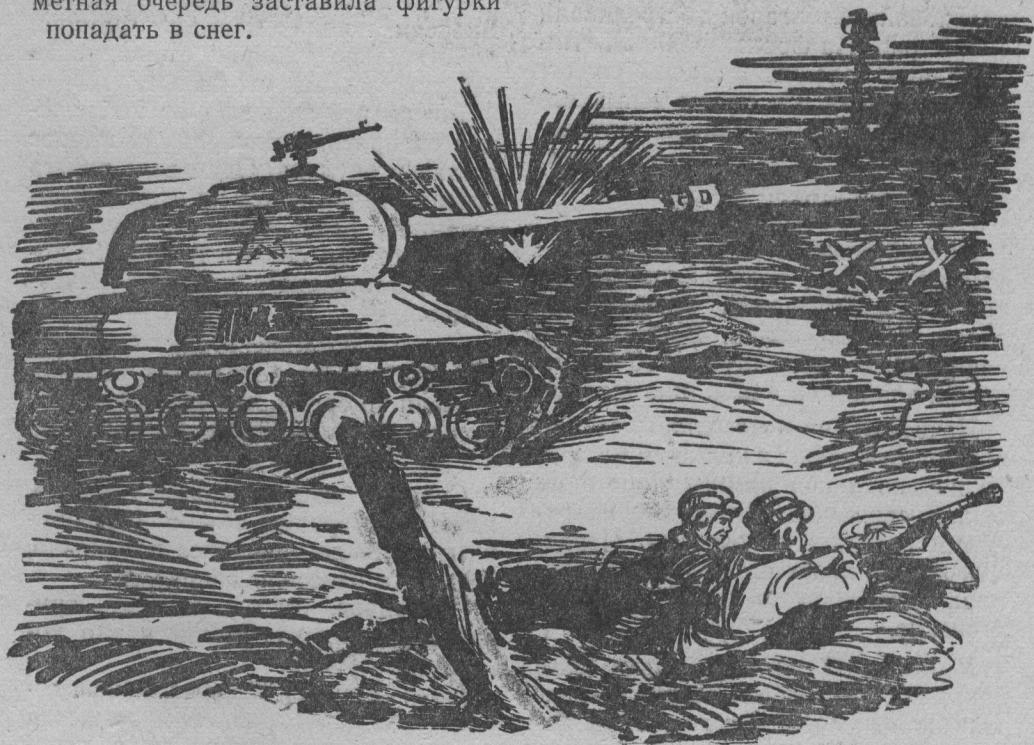
Но главное, конечно, — дзот у железобетонного моста. Разведчики говорили, что это крепкий орешек. Пока не раскусишь его, нечего и думать об успехе. Под мостом у фашистов противотанковые пушки.

Дзот был устроен хитро, под устоями моста. Требовался виртуозно меткий выстрел, иначе его не поразишь. Фомин повернул башню, прицелился, нажал на педаль. И чуть не вскрикнул от радости. Удача! Прямое попадание с первого раза!

Теперь дорога для танков была расчищена. Надо проутюжить первую линию вражеской обороны и, не теряя времени, прорываться дальше. Успех становится успехом, когда его разовьёшь.

И тут произошло непредвиденное. Два тяжёлых удара один за другим встряхнули машину. «Сорвана левая гусеница», — доложил водитель Перевалов. Новый удар, ещё более тяжёлый. Даже освещение погасло на секунду.

Фашисты били прямой наводкой. Справа горела машина младшего

лейтенанта Савельева. Командир третьей машины доложил по радио, что не может двигаться. Танковая атака захлёбывалась.

Но откуда бьёт враг? Значит, разведчики плохо изучили огневую систему, значит, остался неопознанный дзот. Обидно. Всего в семидесяти метрах виднелись вражеские окопы. Казалось, ещё усилие, и могучий «КВ» ворвётся в логово врага. До чего же обидно!

Неужели нельзя их перехитрить? Посмотрим...

На поле боя, недавно гремевшем взрывами, наступила тишина. Фомин и его товарищи сидели в танке, вполголоса переговариваясь.

— Биться до последнего, понятно? — говорил Фомин. — В случае чего — сами сожжём машину, понятно?

— Понятно, — сказал Бобров.

— Понятно, — сказал Перевалов.

Фомин осмотрелся. Место было невыгодное: открыто со всех сторон. Даже новичок попадёт в такую мишень, как неподвижный «КВ» с перебитой гусеницей.

— Попробую развернуться на одной гусенице, — предложил Перевалов. — Авось уползём!

— Отставить! — крикнул Фомин. — Прекратить огонь, глуши мотор! Всё!

Этот план пришёл ему в голову внезапно. Пусть фашисты думают, что экипаж подбитой машины перебит или испугался. Тогда им не захочется сжигать «КВ», тогда они попытаются отбуксировать его в своё расположение. А там видно будет, что делать. Подоспеют на помощь свои, прикроют артиллерийским огнём. Уж что угодно, но живыми они не сдадутся...

План был смелый, но почему фашисты думают, что они хитрее всех?

Барнаульский ткач, ленинградский токарь, архангельский тракторист, они сошлись в этой машине с разных концов советской земли. Фомин был горяч и порывист, Перевалов, напротив, отличался удивительной для своего возраста рассудительностью. Бобров любил шутку, много и часто смеялся, а в редкие минуты напавшей на него меланхолии брал гитару и, уставившись на свои валенки, пел жалобные цыганские романсы. Они были очень разными и в то же время очень похожими друг на друга.

Тишина сгущалась. Опасная, полная всяческих неожиданностей, настораживающая тишина, которая на фронте хуже любой канонады.

На счастье, стало светать. Впрочем, на счастье ли? Может, на беду? Ведь дзот, подбивший их, ещё не обнаружен, ещё действует.

Фомин не отрывался от окуляра. Шаг за шагом он обшарил весь передний край немцев.

И нашёл. До чего же ловко придумано! Дзот под устоями моста был, оказывается, не главным. По выше его, в насыпи дорожного полотна, враг вырыл ещё одну огневую точку. Две амбразуры, холодно поблёскивают пушечные стволы. Маскировка превосходная.

Фомин решил поставить дело солидно, по всем правилам, как учили на танкодроме. Определил расстояние, составил стрелковую карточку. Затем, когда всё было готово, начал осторожными движениями поворачивать башню.

Если бы фашисты внимательнее смотрели на подбитый русский «КВ», они наверняка увидели бы, как медленно нацеливается танковая пушка. Но враги были уверены, что танк покинут экипажем.

Фомин заслал бронебойный снаряд. Помедлил мгновение, набрал воздуха в лёгкие и нажал на педаль. «Эх, чёрт, мимо!» Быстрей! — крикнул он Боброву и снова нажал на педаль. Второй снаряд угодил прямо в дзот. Немцы не успели даже ответить.

Теперь таиться было не к чему. Танк открыл огонь по блиндажам, по выскочившим в траншею солдатам. «КВ», который немцы считали мёртвым, изрыгал смерть.

Взбешённые неудачей, фашисты принялись обстреливать танк. Стреляли батареи, расположенные в тылу. Им ответила наша артиллерия, прикрывая танкистов своим огнём.

Фомин больше не расходовал боеприпасов. Зачем зря тратить снаряды? Неизвестно, сколько ещё придётся им проторчать здесь, точно бельмо на глазу фашистов. Вот артиллерийских наблюдателей снять — это нужно. Бобров увидел их на крыше полуразрушенного дома. Двое немцев сидели за уцелевшей трубой, корректируя огонь своих батарей. Фомин долго прицеливался и одним снарядом сбил наблюдателей на землю. Обстрел прекратился.

Хоть и короток зимний день, но

тянулся он медленно. Несколько раз фашисты принимались стрелять по танку, и каждый раз им отвечали наши артиллеристы.

Наконец стемнело. С момента начала атаки прошло десять часов, а у них не было даже крошки во рту. И не хотелось есть, только губы сохли.

Фомин приказал своим товарищам вылезти из танка.

— Берите гранаты и пулемёт. Нынешней ночью они обязательно полезут...

Бобров и Перевалов залегли впереди машины, вырыв себе окопчики, Фомин остался у пушки.

И верно, фашисты приползли. Первым заметил их тени Перевалов и сразу открыл огонь из пулемёта. Бобров, приподнявшись, метнул гранату. Вылазка врага сорвалась.

Перед рассветом немцы ещё раз попытались завладеть танком.

— Русс, сдавайся! — кричали они из темноты.

Бобров и Перевалов лежали тихо. Зачем зря палить, если не видишь противника? Затем открыли огонь, заметив гитлеровцев. Фомин поддерживал их, выпустив осколочный снаряд.

Следующий день прошёл в напряжённых боях. Перехватив инициативу, трое смельчаков не давали немцам высунуть носа. Они замечали каждого автоматчика, каждое движение в окопах и траншеях врага и били экономными очередями.

Несколько раз их обстреливали. Всё кругом было изрыто воронками. Прямым попаданием сорвало с борта инструментальный ящик.

В машине было зверски холодно, гораздо холоднее, чем снаружи. Сухари и концентрат пшённой каши, которые разделил Фомин поровну, нечем было размочить.

Вторая ночь снова прошла в дозоре. Кроме того, Фомин решил отремонтировать повреждённую гусеницу, но из этого ничего не вышло. Перевалов посоветовал подцепить её на всякий случай тросом. Ведь придёт за ними буксир вот и утащит заодно...

На третий день Фомин заметил движение вражеских машин по тыловой дороге. Стрелять по одиночным грузовикам не имело смысла — слишком мало оставалось боеприпасов. Но когда пошла целая колонна, которую замыкал маленький броневик, танк открыл беглый огонь.

...Помощь подоспела к ним на исходе пятых суток. Боеприпасы кончились, сухарей не было вовсе, за глоток горячей воды они отдали бы полжизни. Все трое подбадривали друг друга, а разговаривая по радио с полковником, даже смеялись, осунувшиеся, чёрные от копоты.

Грохнул долгожданный огневой вал, тронулась в атаку наша пехота. Буксирный тягач подцепил повреждённую машину и осторожно вытащил.

Шатаясь от усталости, вылезли трое из своего танка.

— Уничтожено четыре дзота и до двухсот немецких душ, — доложил Фомин командиру бригады. — Машина требует ремонта, личный состав невредим...

Выслушав рапорт, полковник обнял Фомина. Он хотел сказать ему, что представляет его к званию Героя Советского Союза, что командующий армией поддержал ходатайство, но промолчал.

Фомин спал стоя, с открытыми глазами.

3.

В ГОСПИТАЛЬНОЙ палате тихо.

Изредка скрипнет зубами уснувший сосед, да ещё слышится далёкое гудение невидимого самолёта, точно запоздалая осенняя муха бьётся о стекло.

За окном грустный зимний пейзаж. Голые клёны с охапками снега на ветвях, запорошённые аллеи, серые полосы пешеходных тропинок.

Владимир Миронов лежит на крайней койке. Он лежит на спине, вытянув поверх одеяла исхудавшие руки в бурых пятнах камфарных уколов. Лицо его с болезненно опу-

щенными уголками рта ещё хранит отпечаток перенесённых страданий. Поверх переносицы скопились в раздумье тоненькие морщинки. И только глаза Володи, молодые, с лукавинкой, нет-нет да и блеснут, словно подсмеиваются над недугами израненного тела.

Сто смертей стояло за спиной этого солдата, а он выжил. Всем смертям назло.

В то утро Миронову стукнуло двадцать лет. Бывают же на войне такие случаи. Тебе двадцать лет, ты праздничный, и ты лежишь вместе с товарищами в опалённом кустарнике, ожидая сигнала атаки. Впереди темнеет горбатая высотка, которую твоя рота должна отбить у врага. Она совсем невысока. Очутись здесь на прогулке в мирные дни, — взлетел бы одним махом, а вот попробуй одолеть её сейчас, под ураганным огнём противника...

Внимательно рассматривая чёрные извилины вражеских траншей, Володя ощутил в себе знакомое чувство ярости. Несмотря на молодость, он был опытным фронтовиком. Чувство страха, это непереносимое чувство, через которое солдат проходит в первые дни своей службы, покинуло его ещё прошлой осенью. Покинуло и не возвращается, уступив место другим чувствам.

Это было на переправе через Неву. Утлые голубые лодочки с нестёршейся надписью по борту «Стадион печатников», огненные ленты трассирующих очередей, шипение раскалённого металла в тёмной осенней воде — всё это запомнилось на всю жизнь. А больше всего запомнилась гибель друга. Юрку Бессонова осколок зацепил, едва они ступили на вражеский берег. Юрка коротко вскрикнул и сразу захрипел. Вместе они росли, чуть ли не на одном дворе, вместе учились в средней школе, вместе пошли в военкомат проситься в добровольцы. «Юрка! Что с тобой? Встань, Юрка!» Володя не хотел верить, он тряс своего друга за плечи, пока не понял, что всё кончено.

И не страх тогда, а свирепая

ярость заполнила его душу. Не пригибаясь, хотя рядом грохотали разрывы, кинулся он вперёд, в прощитую красными вспышками темень. Предсмертное хрипение друга подхлестывало, как бич.

С тех пор всякий раз, когда начинался бой, Володя вспоминал переправу. Точно вчера это случилось, так отчётливо вставала перед глазами смерть Юрки Бессонова. И сразу пересыхали губы, напряжинивалось всё тело.

Бой за высоту начали артиллеристы. Как всегда, неожиданно загромела канонада, задрожал воздух и утонула в чёрных клубах тёмная горбина высоты. Выше дыма взлетали лишь обломки вражеских сооружений, точно сбрасывала их, очищая себя от скверны, русская земля.

Володя лежал, с удовольствием наблюдая точную работу невидимых артиллеристов. «Молодцы, ребята!» Всем существом своим он ждал сигнала атаки.

И вот взвились в небо три дымных ракеты. Володя вскочил и вместе с товарищами ринулся вперёд.

Вот и траншея. С ходу Володя прыгнул в неё. Под ногами что-то хрустнуло. То был труп фашиста, страшный, залитый кровью.

Но мёртвые враги не интересовали Володю. Где живые? Он побежал по узкому ходу траншеи, зорко озираясь по сторонам. Три лимонки на поясе, автомат под мышкой — Володя был готов к любой неожиданности рукопашного боя.

Вдруг впереди себя он увидел фашистов. Скачками, как хищные звери, они неслись навстречу.

Ещё не решив, что делать, Володя присел на корточки. Потом догадался: фашисты хотят ударить в тыл его роте. Но они просчитались. Поздно, слишком поздно спешить... В рукопашном бою кто первым увидел врага, тот и победил.

Одну за другой Володя метнул две лимонки. И, переждав грохот разрывов, не страхивая комьев земли, засыпавших его, кинулся вперёд.

Что произошло вслед затем, трудно объяснить. Скорей всего, они столкнулись лоб в лоб, как два слепых. Фашист выбежал из-за поворота траншеи. Это был здоровенный солдат с рыжей щетиной на давно небритых щеках и мутным взглядом обезумевших глаз. Должно быть, они столкнулись очень сильно — у обоих вылетели из рук автоматы.

— Сдавайся! — закричал Володя, схватив фашиста за горло. Но тот был выше ростом и сильнее. Он отчаянно тряс головой, царапался, кусался. Ему удалось вырваться и, разглядев перед собой маленького русского бойца, он со злобным рычанием кинулся на Володю.

Они дрались в рукопашную, затаптывая в песок свои автоматы. Потом оба свалились, и Володя очутился на груди фашиста.

В школе ребята подсмеивались над ним, называя слабаком. Тогда он записался в кружок самбо и терпеливо изучал сложные приёмы борьбы, пока не добился своего. Помогло ему самбо и сейчас, фашист хрипел под ним. Теперь связать ему руки — и всё.

Вдруг сильный удар стянул Володю с врага. Нет, это не кулаком. Под лопатками стало мокро, глухое удушье сжало грудь.

Шатаясь, Володя поднялся. В руке фашиста был нож.

Заслоняя рукой глаза, Володя кинулся на врага. Ещё один удар, на этот раз в грудь, опрокинул его навзничь. Падая, он почувствовал, что фашист замахнулся снова, и успел перехватить удар, подставив локоть.

Перед глазами мелькали разноцветные круги. По ватнику струилась кровь. Веки слипались, в голове гудело.

Володя снова кинулся на фашиста. В руке у него была лопатка, маленькая лопатка пехотинца, которая может стать оружием. И снова сверкнул перед глазами нож. Володя потерял сознание.

Сколько времени продолжалось беспмятство — этого Володя не знал. Очнувшись, он увидел фашиста. Тот думал, что убил, наконец, русского. Лихорадочно торопясь, он отыскивал свой автомат.

Володя чувствовал, как уходят из него нити, связывающие человека

с жизнью. Вытекала кровь, и с каждой каплей вытекала жизнь.

Собрав последние силы, напряжившись, Володя прыгнул на врага, запрокинул ему голову и нанёс короткий удар лопаткой. В ту же секунду в глазах у него помутилось, и он упал на дно траншеи.

Бой кипел теперь на вершине высотки и за её скатами. На сосне уже развевался красный флажок, словно частица Володиной крови трепыхала и горела над этой побуревшей от разрывов землёй.

Володю привезли в госпиталь и проделали невероятно сложную операцию, залатав тринадцать ножевых ран. Никто не думал, что он выживет. Даже опытный хирург, зашивавший израненное сердце, считал смерть неизбежной. Но Володя выжил. Выжил потому, что самое трудное для него было не здесь, не в госпитале. Ведь подняться тогда в траншею было куда труднее, чем выжить.

Командир дивизии, старый боевой генерал, понял это солдатским чутьём. Протягивая Володе медаль, он посмотрел ему прямо в глаза, молодые, сверкавшие неугасимой жаждой жизни.

— Тут написано «За отвагу», — сказал генерал. — Стало быть, за твоё упорство, товарищ Миронов...

Сказав это, командир дивизии отвернулся и долго глядел на запущённые снегом аллеи старинного парка, на голые ветви клёнов.

Песни комсомольской юности

Песни комсомольской юности!

Стоит только запеть «Наш паровоз, вперёд лети, в Коммуне остановка...» и сразу вспоминаются красные косынки на головах у девушек, потёртые кожанки у парней — комсомольцы первых лет Советской власти, строители социализма, готовые в любую минуту взять в руки винтовку, чтобы защитить молодую Советскую республику.

С волнением вспоминают старые комсомольцы слова немного грустной, но в то же время торжественной песни:

«Там вдали за рекой, где погасли огни...» Сколько дорогих сердцу имён бесстрашных комсомольцев напоминают слова:

Он упал на траву

Возле ног у коня

И закрыл свои карие очи.

Ты, конёк удалой,

Передай, дорогой,

Что я честно погиб

за рабочих...

Все старые комсомольские песни живут до сих пор. С волнением поют их уже пожилые люди, вспоминая свою комсомольскую юность. Пойте их и вы, ребята. Каждая из них расскажет вам о славном прошлом героического комсомола.

ОРЛЁНОК

Слова Я. Шведова

Музыка В. Белого

Орлёнок, орлёнок, взлети выше
солнца

И степи с высот огляди.

Навеки умолкли весёлые хлопцы,

В живых я остался один.

Орлёнок, орлёнок, блесни

опереньем,

Собою затми белый свет.

Не хочется думать о смерти,

поверь мне,

В шестнадцать мальчишеских лет.

Орлёнок, орлёнок, гремучей

гранатой

От сопки солдат отмело.

Меня называли орлёнком в отряде,

Враги называют орлом.

Орлёнок, орлёнок, мой верный
товарищ,

Ты видишь, что я уцелел.

Лети на станицу, родимой

расскажешь,

Как сына вели на расстрел.

Орлёнок, орлёнок, товарищ

крылатый,

Ковыльные степи в огне.

На помощь спешат

комсомольцы-орлята,

И жизнь возвратится ко мне.

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,

Победа борьбой решена.

У власти орлиной орлят миллионы,

И нами гордится страна.

ПАРОВОЗ

Мы все из тех, кто наступал

На белые отряды,

Кто паровозы оставлял,

Идя на баррикады.

Припев:

Наш паровоз, вперёд лети!

В Коммуне — остановка.

Иного нет у нас пути, —

В руках у нас винтовка.

Средь нас есть дети, сыновья,

Что шли с отцами вместе,

В врага пошлём мы свой снаряд,
Горя единой мезтью.

Припев.

И в недрах наших мастерских

Куём, строгаем, рубим,

Не покладая рук своих:

Мы труд фабричный любим.

Припев.

Наш паровоз мы пустим в ход

Такой, какой нам нужно,

И пусть создастся только фронт,

Пойдём врагов бить дружно.

Припев.

Четвёртый орден

1948 год. Комсомолу исполнилось 30 лет. Его заслуги в деле коммунистического воспитания молодёжи и активное участие в социалистическом строительстве высоко оценили Коммунистическая партия и Советское правительство, наградив комсомол вторым орденом Ленина.

Это — четвёртая награда.

Рис. В. Сердюкова

СВАРЩИК

Утро.
Снова взлетают
В небо сполохи сварки.
Тьма над доками тает,
Меркнут звёзды-огарки.

Спецкостюм свой потёртый
Натянувши на плечи,
У отвесного борта
Сварщик молнии мечет.

Взгляд на шов кинет быстрый
Из-под рамки порою,
И опять пляшут искры
Золотой мошкарою.

С виду словно играет
Электродом-иглою...
Он корабль обшивает
Чешуёю стальною.

...И корабль тот помчится
В рейс опасный и дальний.
А навстречу поднялся
Океан крутобальный.

Прочность швов проверяя,
Бился с разных концов он,
По бортам ударяя
Кулачищем свинцовым.

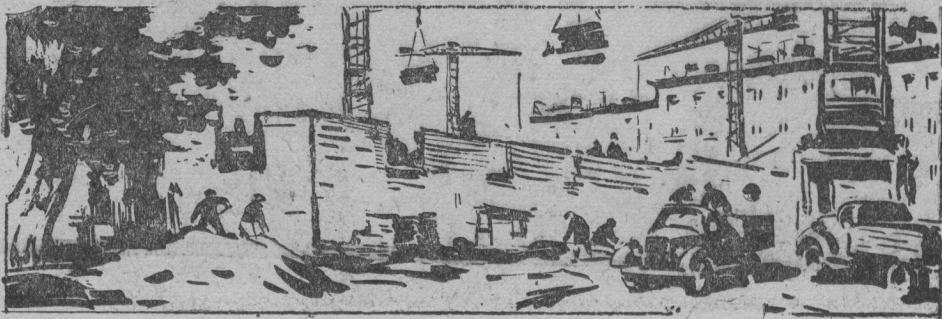
Но могучие плечи
Океана устали,
Пенный вал искалечен
Крепко сваренной сталью.

А над синью просторной
Гуд победный раздался,
Словно сварщик задорно
Над стихией смеялся.

Ник. Кутов

Строитель

Там, где тянулась фронтовая линия,
Сверкает мирно линия огней...
Плывёт плита и тень большая, синяя
Бежит вприпрыжку по земле за ней.
Строитель видит, как плита бетонная
Уходит в небо, словно самолёт,
И как стена, его трудом рождённая,
Не в чертеже, а наяву встаёт.
Строитель видит новых дней сияние,
Рад, что расти всё выше этажам.
Не дом он строит — будущего здание
По ленинским великим чертежам.

Пятый орден

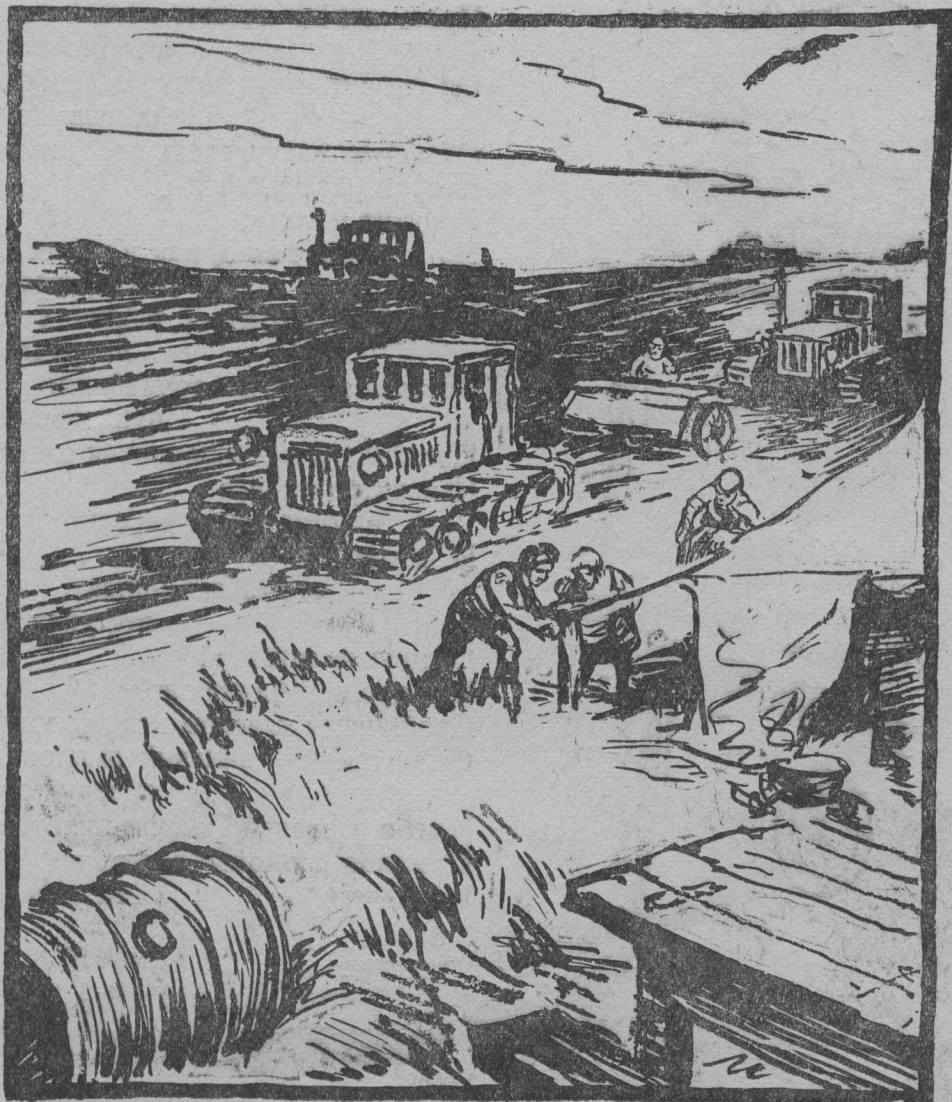
1956 год. С честью выполнил комсомол задание партии. Руками комсомольцев поднята целина, собран огромный урожай хлеба. За этот новый подвиг комсомол награждён третьим орденом Ленина.

Это — пятая награда, которую получил Ленинский комсомол.

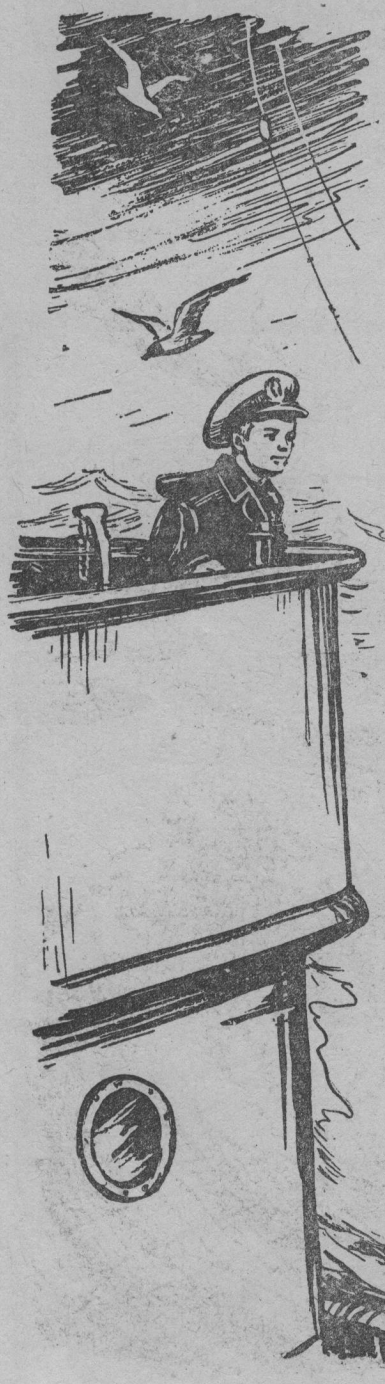
Она воодушевляет советских юношей и девушек трудиться во славу любимой Родины.

Рис. В. Сердюкова

Морей

Морей повелитель...

Его биография

Пока что — одна мореходная
школа,

Багаж — белокурая фотография,
Конспекты

Да членский билет комсомола.

И вот он — один на один
с океаном...

Пусть пеною хлещет волна
штормовая,

Он спорит с течением, с дрейфом
обманным,

Обычную вахту свою коротая.

Нептун рассердился

И мутит погоду,

Но в рубке тепло, как в уютной
квартире.

Размечена в хитрых таблицах
природа,

Распята на картах точнейшим
пунктиром,

Поставлена в рамки стихия слепая,
Чьи хитрости все

в логарифмах рассчитаны.
И шторм,

огрызаясь, шипит,
отступая...

О музыка шторма!

Как кровь горячит она!

Прощупаны каверзы дна эхолотом,
Синоптиком — дальний циклон

обнаружен
И небо разведано шаром-пилотом...

И можно спокойно садиться
за ужин.

повелитель

Но после —
 не спится в каютном уюте, —
На шахматном поле сражён
 капитаном,
Он — то на спардеке, то
 на полуюте
Маячит —
 звезду свою ищет секстаном.

К авралу подходят
 часы судовые,
Обычную
 шторм начинает доuku:
На палубу
 падают волны кривые,
И пенятся злобно
 и бьются о рубку.

Шторм к сроку вернулся,
Ни поздно, ни рано,
Заранее
 встречу готовили гостю!
Морей повелитель
 выходит на мостик
И держит экзамен на капитана.
Напрасно стихия идёт
 в наступленье —
Наш дизель упрямей любого
 буруна...

И снова,
 как школьник,
 встаёт на колени
Седой океан
Перед штурманом юным.

Очень трудно измерить
Возможности,
Силы,
Права...
О судьба человека!
Сегодня решаешься здесь ты,
Здесь — в прокуренном зале,
Где стулья, где стол с кумачом.
Ты доверена людям,
Под вечер собравшимся вместе,
Тем, которых судьба
Навсегда породнила с трудом.
И сейчас этот парень
За всю юность в ответе.
Как в рентгенкабинете,
Её просмотрели насквозь,
Чтоб о выданном парню
Простом, бесплацкартном билете
Через год, через век
Комсомолу жалеть не пришлось.

В. Самсонов

Судьба человека

С детских лет не умел он
Сидеть, как положено, дома.
Очень часто в дорогах
Встречал и закат и рассвет,
А сегодня пришёл
На расширенный пленум райкома
И в Норильск попросил
Проездной бесплацкартный
билет.

Он строителем не был,
Не ладил для крыши стропила
И ни разу в руках
Не держал он малярную кисть,
Но ведь Родина парня
Дерзать и бороться учила,
А поэтому сердце
Ему подсказало:
— Просись!
Секретарь испытующе
Парня глазом окинул,
Дескать, что ты умеешь,
Что можешь в свои двадцать два?
И на лбу залегла, словно шрам,
Волевая морщина...

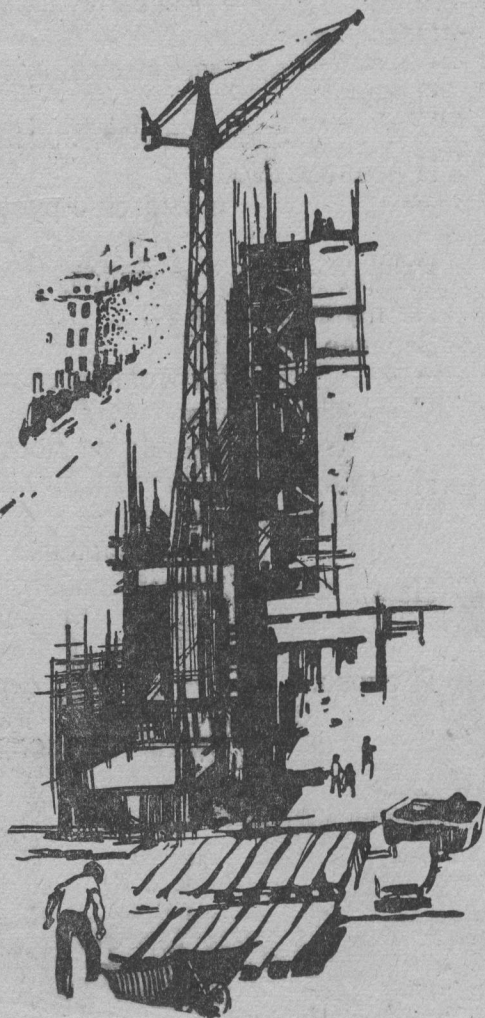

Рис. Н. Кузнецова

Хозяин идёт по городу

ПРЕЖДЕ чем начинать наш разговор, надо сказать несколько слов о красоте.

Вот ты живёшь в Ленинграде и знаешь, как он красив, опоясанный лентами рек и каналов, устремлённый ввысь стройными громадами домов, одетый в зелёный убор садов и парков.

Но обращал ли ты внимание на то, как красивы его люди?

Она особенная, эта красота, не броская, порой неприметная для взгляда. В людском потоке, растекающемся по улицам города, шагает парень в потёртом пиджаке. Он спешит на работу. Он ничем не привлёк твой взор. А ведомо ли тебе, что этот скромный рабочий парень изобрёл приспособление к своему станку, вдвое увеличив его силу?

Пожилый человек с усталыми глазами торопливо поднимается по лестнице. Это — врач, он спешит на помощь к больному.

Молодая девушка выходит из вестибюля метро — она вернулась из геологической экспедиции по горам Тянь-Шаня и скоро снова уедет в далёкую разведку.

Худенькая старушка с хозяйственной кошелькой в руке присела отдохнуть на садовую скамейку, обыкновенная старушка. А ведь она вырастила троих сыновей, и все они честно служат Родине!

Сотни тысяч таких, с виду ничем не примечательных людей в нашем городе! Их красота — внутренняя, её поймёшь, только узнав их поближе. Тем и красивы твои земляки-ленинградцы, что каждый из них живёт в неустанном труде, в хороших хлопотах, полезных народу.

И лишь редко-редко

встретишь совсем другого человека. Уж он-то сразу бросается в глаза! Порой черты его лица даже привлекательны, он ярко и нарядно одет. Но...

Вот он, покачиваясь от выпитого вина, шагает по Невскому. Толкнув женщину, он не извиняется, а начинает сквернословить. Остановленный возмущёнными прохожими, лезет в драку, а услышав свисток милиционера, пускается наутёк...

Или видим мы его в другом обличье. Одетый в рубашу, на которой намалёваны звери всего света, в брюках, узких до того, что кажутся они прилипшими к икрам, трясётся этот человек-попугай в приступе дикого танца «рок-н-ролл». Не желая зарабатывать деньги честным трудом, он спекулирует из-под полы чем попало — книгами и заграничным порошком от блох, билетами в кино и самодельными грампластинками.

И в третьем обличье попадаетеся нам этот «красавец». Надвинув заливчатую кепку на лоб, в переполненном автобусе норовит он запустить пальцы в карман соседу. Но, схваченный за шиворот сильной рукой, бледнеет от страха, умоляет простить его.

Кем бы ни был этот разрушитель закона или порядка, — он всегда одинок. Он встречается всё реже и реже на наших улицах, и недалёк тот час, когда он станет музейной редкостью. Он и ему подобные — лишь горстка мусора на просторах города. Но какой рачительный хозяин оставит эту горстку в своём доме, таком красивом, с такими хорошими людьми, населяющими его?

А хозяева Ленинграда — это парень, которого мы

видели спешащим на работу, врач, вызволивший из беды больного, девушка-геолог, женщина — мать троих сыновей — словом, рядовые жители нашего города. Им, как говорится, и метла в руки!

И вот несколько лет назад ленинградская молодёжь, комсомольцы, первыми взялись за такую метлу.

Появились и начали действовать комсомольские патрули — боевые отряды по борьбе с нарушителями нашего спокойствия.

ОКУРОК И НОЖ

НА механическом заводе, куда мы попали, чтобы познакомиться с участниками одного из комсомольских патрулей, первым нам назвали токаря Петра Золотарёва. Но предупредили:

— Парень немногословен, из него надо всё клещами тащить. А между тем, пожалуй, самый лучший наш патрульный.

И вот мы сидим с Золотарёвым в заводском комитете комсомола. Роста парень среднего, худощав, в плечах не широк. Но пожал руку так, что пришлось ею потрясти в воздухе — заныла.

О себе Пётр рассказывал примерно так:

— Ну, всё бывает очень обыкновенно. Подхожу, значит, к хулигану и приглашаю его следовать за собой. А не согласится, я его, значит, беру. Потом в штабе мы с ним разговариваем. Ну, вот и всё.

Но из сообщений других комсомольцев, из скупых све-

дений, «вытянутых» из самого Петра, открылось нечто большее.

Патрульным он стал два года назад. Увидел, как его приятель по цеху Владимир Мищенков утихомирил пьянчужку, буянившего на танцах в клубе, и подошёл к другу. Спросил несмело:

— В патруль всех принимаете?

— Тебя примем, если захочешь. Пошёл бы к нам?

Назавтра Пётр дал согласие. Почему назавтра? Не торопили его друзья с решением, понимая, что охрана общественного порядка — дело суровое, подчас опасное. И Пётр взвесил всё: знал, что будут его уважать люди, но те, с кем придётся побороться, станут ненавидеть, даже мстить.

Первый рейд, в котором он участвовал, выглядел не очень-то героическим — назывался походом за чистоту. Шагали комсомольцы по улицам родного Кировского района, присматривались, кто бросит окурочку на панель, обрывки бумаги, недоеденное яблоко...

Стоял солидный гражданин на трамвайной остановке, покуривал. Завидев трамвай, швырнул недокуренную папиросу на мостовую.

— Поднимите, гражданин. Пожалуйста, — вежливо посоветовал ему Золотарёв.

Но гражданин попался ужасно гордый. Подумаешь, какой-то юнец будет ему указывать! И, подняв нос к небу, вошёл в тронувшийся вагон.

Пётр прыгнул за ним. Гражданин протиснулся к выходу — и патрульный не отстаёт. Раскипятился нарушитель, сам направился в штаб патрулей, возмущённый и разъярённый.

Но здесь постепенно остыл и задумался, благо было время подумать: организовали комсомольцы для таких вот нерях целую лекцию об уличной чистоте, о хозяйском отношении к родному городу.

А Пётр тем временем заметил на улице пьяного. Куражится гуляка, задевает прохожих. Уставился мутными глазами на подошедшего к нему комсомольца, удивляется:

— Ай, какой отчаянный!.. Да я тебя одним ударом на небо вознесу! У-у-у!..

И тут руки токаря сработали чётко и слаженно. Пьяный почувствовал, как локти его оказались зажатыми словно в тиски. Не шёл, почти бежал по направлению к штабу, подбадриваемый Петром:

— Правой-левой... Правой-левой...

Месяц спустя на Невском проспекте вместе с другими патрульными утихомиривал Золотарёв нескольких распоясавшихся буянов. Потом помогал наводить порядок в танцевальном зале клуба имени Газа.

Его заприметили. Какой-то подозрительный парень погрозил кулаком:

— Берегись, комсомол, бить будем!

Пётр усмехнулся, подумав про себя: «Попробуй, ударь — нас много, а ты, отщепенец, один. Да я и так тебя не боюсь».

И пошёл на хулигана. Тот был и выше и плечистее, но, побледнев, мигом скрылся в толпе...

Но однажды всё-таки тяжёлая опасность нависла над Золотарёвым. Совершая рейд по Канонерскому острову, увидели комсомольцы группу молодых людей, затеявших «на лоне природы» буйное гульбище с попойкой. Стал патруль их усовещивать. Кое до кого из «собутыльников» советы не дошли, пришлось пригласить их в штаб рейда. Буяны стали сопротивляться.

Здесь мы должны познакомить вас с другим активным участником походов против нарушителей общественного спокойствия. Это — комсомолка Валя Цветкова, работающая комплектовщицей на том же заводе, что и Пётр. Нет у неё мужских вздутых бицепсов на руках, но сколько раз сникали перед ней самые грозные дебоширы!

В другой раз группе патрульных, дежуривших в клубе имени Газа, стало известно, что на улице у входа их поджидает целая компания хулиганов, собравшихся вместе, чтобы поквитаться с патрулём за прежние обиды. Комсомольцев было на этот раз вдвое меньше. Но они спустились к выходу, широко распахнули клубные двери и сомкнутым строем пошли на хулиганов.

— Ну-ну, — растерянно забормотал один из подстерегавших, — мы вас не трогаем, чего пристаёте?

И один за другим компания мгновенно рассыпалась в ближайшем переулке...

У них были самые разнообразные дела, у молодых хозяев города, — от увещевания неряхи, бросающего окурки на панель, до столкновения с поножовщиком. Порой их подстерегала грозная опасность, но они не пятились назад, не убегали в страхе. Им помогали и крепкие руки, натруженные у станка, и смелое, мужественное сердце.

УДАР ОДИН И УДАР ДРУГОЙ

МОЖНО немало рассказать и о третьем участнике заводского патруля Владимире Мищенкове, том самом, что когда-то привлёк Петра Золотарёва к комсомольским рейдам. Он тоже токарь и работает в одном цехе с Петром. О Мищенкове здесь говорят, что у него портится настроение, когда ему удаётся всего лишь вдвое перевыполнить задание. Две с половиной и три нормы обычно

даёт Владимир за смену. А недавно придумал, как быстрее и лучше обрабатывать деталь на станке-автомате. 6.000 рублей в год сэкономил родному заводу токарь своим предложением!

Он трудится отлично, этот невысокий, сероглазый юноша с рыжеватым чубчиком набегающих на лоб волос. И, может быть, потому так сурово и непримиримо относится он к тем, кто, не очень-то потев у станка, стремится показать себя «героем» в часы развлечений.

Владимир М., тёзка Мищенкова и его сосед по цеху, давно навлекал на себя гнев мастеров и товарищей — лодырничал, тянул назад весь участок. Зато по вечерам в клубе он проявлял чудеса расторопности, не пропуская ни одного танца и ни одного случая с кем-нибудь повздорить.

Однажды он пригласил танцевать девушку. Смерив подвыпившего молодца презрительным взглядом, та отказалась. Тогда Владимир М. размахнулся и изо всех сил ударил «оскорбительницу» в лицо.

Это был неслыханный поступок. Буяна схватили и привели в комнату, где помещался штаб комсомольского патруля. Там сидел Мищенко.

— Батюшки! — закричал Владимир М. — Свои! Заступись, братишечка!

— Сейчас заступлюсь, — отозвался Мищенко. — Ну-ка, шагай сюда поближе!

И, поднявшись навстречу соседу по цеху, взгляделся в его забегающие глаза.

— Так, — сказал Мищенко глухо, чуть вздрагивающим от гнева голосом. — За то, что совершил мерзкий поступок, сядешь на скамью подсудимых. А вот то, что ты, токарь, плюёшь на нашу рабочую честь и в цехе и на людях — с этим как быть?

М. беспечно засмеялся:

— Честь? Это из какого ро-

мана? А девчонке той я ещё мало дал...

Но договорить не успел. Сильный удар отбросил его к стене...

Мищенко с друзьями утихомиривал нескольких поножовщиков в Автове, усмирал хулигана, пытавшегося ударить его ногой в лицо, участвовал в десятках других трудных рейдовых дел. И никогда никого не ударил, умея вместе с остальными патрульными отрезать нарушителям порядка всякую возможность к сопротивлению, к драке.

А тут нанёс удар сам, нанёс сознательно, вложив в него яростную убеждённость в том, что нет преступления хуже, чем опозорить высокое звание рабочего.

Сейчас Владимир М., трудясь в цехе, отбывает судебное наказание — год принудительных работ. Первое время он с ненавистью поглядывал на соседа-патрульного, отказавшегося замять дело и спасти его от справедливого наказания. Потом у парня, видимо, что-то прояснилось в голове. Однажды, заметив шагнувшего мимо Мищенкова, тронул его за рукав:

— Ладно уж... Здравствуй...

И, чуть, покраснев, снова склонился над станком.

ТОЛЬКО ДВА ШАГА

ЧТО же могло проясниться в голове у Владимира М.? Понял, конечно, как гнусен его поступок, заметил суровые взгляды окружающих его людей, уразумел, что прав все-таки Мищенков, а не он.

Вот к этим-то сдвигаю в сознании и стремится всегда комсомольский патруль. Не только дать отпор нарушителю общественного порядка, но сделать так, чтобы и не помышлял он о новых безобразиях — об этом заботится каждый участник рейда.

Приведут безобразника в патрульный штаб, поговорят с ним сами, общат о его «геройстве» в учреждение, где он работает или учится. Нужно — передадут в милицию или, как в истории с Владимиром М., беспощадно усадят на скамью подсудимых. В любом случае почувствует себя «удалой молодец» неуютно, поймёт, как трудно у нас не уважать людей, мешать им. И в следующий раз — так и бывает большей частью — задумается: а стоит ли долбить лбом стену, не лучше ли стряхнуть с себя грязь, в которой вывалился по собственной вине, вести себя так, как все нормальные советские люди?

А грязь бывает разной. Вот чем, например, нам так неприятен «стиляга»? Уж и чистенький-то он с ног до головы, ни пылинки нет на его пёстром, безобразном наряде. Да беда в том, что неймоверная вычурность его костюма, причёски, манер говорит о дурном вкусе, о желании выделиться среди окружающих не хорошими делами, а лишь крикливой внешностью. Но дурной вкус — порождение душевной убогости и поэтому от него два шага до дурных поступков.

Участники заводского комсомольского патруля, о котором мы расска-

зываем, не раз сталкивались со «стилягами». Когда однажды был замечен парень в рубахе навывпуск, разрисованный так, что её обладатель был похож на цветастого павлина, с причёской, напоминавшей бурю в океане, — юного «красавца» привели в рейдовый штаб.

— Послушайте, — сказали ему, — если вы прямо из Зоологического сада, то почему разгуливаете по улицам? А если человек, то как же вам не стыдно так ронять своё человеческое достоинство?

Под едкими замечаниями комсомольцев «стиляга» вертелся, словно поджариваемый на сковороде. Он пробовал хорохориться, настаивать на том, что вкус — дело, мол, личное, что никому никакого вреда он не приносит. Тогда комсомольцы передали дело в милицию, и там было установлено, что задержанный не так уж безобиден, каким старался показаться: скверными поступками он позорил звание советского торгового моряка.

Да, от дурного вкуса — два шага до дурного поступка, а оттуда и дорожка к преступлению...

Впрочем, очень часто патрульным удавалось образумить «стиляга», вытряхнуть из их голов поднакопившуюся там дребедень. И как же были благодарны комсомольцам эти юноши и девушки, порвав с помощью таких настоящих друзей пути дурного вкуса.

В танцевальном зале общее внимание привлёк парень, корчившийся «в муках» рок-н-ролла. Этот дикий танец выдуман за океаном и похож на потасовку двух сумасшедших. Какой-нибудь великовозрастный балбес, сынок заморского богатея, прожигая папашины деньги и пресытившийся развлечениями, может, и получит от такой «танц-драки» необходимую для себя встряску. Но нужна ли она нашему юноше?

Парня пригласили в штаб патруля. Были здесь Владимир Мищенков,

Валя Цветкова, Ира Остромухова и другие участники рейда.

— Не устал? — спросили «танцора». — У эпилептиков после припадков всегда плохое настроение. Ба, да ты совершенно здоров! А мы-то думали...

От такой насмешки парень, конечно, обозлился.

— Танцую, как хочу, — пробурчал он, уставив глаза в пол, — иначе не умею...

— Не умеешь? Тогда давай поучимся!

И девушка, ловкая, стройная, хорошо и просто одетая, подошла к нему и, улыбаясь, предложила:

— Если отважитесь станцевать с участницей комсомольского патруля, то приглашаю вас в зал!

Хмыкнул растерянно парень, но танцевать всё-таки пошёл. И снова все танцующие обратили на него внимание. Сначала никак не мог, бедняга, обойтись без дёрганий, но партнёрша успокаивала:

— Не волнуйтесь, это пройдёт, это не навсегда! А красивое па — вот какое... И эту фигуру запомните...

Так и кружились они оба — высокие, стройные, красивые, не той призрачной красотой, к которой так стремятся «стиляги», а настоящей, радующей и глаз и сердце наблюдателя...

Нам рассказали в штабе, что бывший поклонник пляски-припадки сам превратился в её яростного про-

тивника. А от хорошего вкуса — два шага до хорошего дела.

Мы написали эту фразу и задумались: чем доказать её правильность? Ну что ж, есть и такой пример.

Всё перепробовал Игорь Лютин — «геройствовал», заделался «стилягой», работать стал хуже. Но, приведённый в чувство комсомольским патрулем, постепенно выпрямился, задумался над тем, что такое настоящий героизм и настоящая красота.

Сейчас он сам участник комсомольского патруля, один из лучших рабочих в цехе.

ЗОРЧЕ ГЛЯДЕТЫ!

А у вас, мальчики и девочки, как дела на улице и в общественных местах? Нет ли и из числа ребят школьного возраста нарушителей порядка?

Мимо этого тоже не проходит комсомольский патруль. Когда однажды увидел Геннадий Богдашевский, как на проспекте Стачек мускулистый парнишка «обрабатывает» кулаками девочку, взял его комсомолец за шиворот:

— Ну-ка, проси прощения! Извиняйся, извиняйся, повторяй по складам за мной: «Девочка, я дуралей, я больше не буду!»

Пришлось просить у обиженной прощения да перенести ещё кучу других неприятностей, потому что Богдашевский разузнал и фамилию забияки и школу, где он учится, сообщил о его скверном поступке пионервожатой.

А Пётр Золотарёв заметил на Московском рынке одиннадцатилетнего Витю П. Стоял мальчонка в укромном месте, тревожно осматривался по сторонам и не очень твёрдым голосом предлагал:

— Кому пластиночки патефонные?.. Очень хорошие пластиночки, купите, пожалуйста!..

— Привет купечеству! — сказал Золотарёв, остановившись рядом. — Как сегодня торговля идёт, велик ли

доход? Эх, ты, купец-продавец, и не стыдно таким делом заниматься!

Слово за слово — разревелся Витька, всё выложил. Оказалось, что пластинки эти чужие — соседские: брала их на время старшая Витина сестра, а братец несколько штук утаил.

Доставил Золотарёв лиходея домой, рассказал о его «подвиге» сестре. Та всплеснула руками:

— Вот так история! Ведь никогда ничего подобного за ним не водилось. Честнейший мальчик!

— Зорче глядеть надо, — посоветовал патрульный. — А ты, купец, запомни вот что: нет противнее человека, чем вор. Но ещё противнее тот, кто только притворяется паинькой, друзей и близких обманывает. Я вот уйду и руки тебе не подам.

Вся семья взбудоражилась. Солоно пришлось «купцу», но для его же блага постарался создать ему эту суровую обстановку патрульный.

А вы, глядите ли вы зорко, друзья? Ведь среди сотен тысяч хороших, честных и дельных ребят, живущих в нашем городе, тоже можно найти горстку нарушителей порядка и закона. На иной лестничной площадке орудуют они засаленными картами, проигрывая друг другу медяки, козыряют скверными словами, чихают и кашляют, затягиваясь папиросным дымом. А случается, залезет иной негодяй человеку в карман или из-под полы предложит втридорога ки-

нобилетик. Боритесь и вы с такими безобразниками, давайте им суровый отпор, действуйте так же смело, находчиво и решительно, как действуют ваши старшие товарищи, участники комсомольского патруля!

А они снова шагают по городу, зорко осматриваются вокруг и не остаются равнодушными созерцателями ни при каких обстоятельствах. Вот недавно, например, заметили человека, растерянно озиравшегося на улице. Попробовали с ним заговорить, а он не знает нашего языка — иностранный турист! Пришлось патрульным помогать заблудившемуся разыскивать его гостиницу. Или совсем на днях вступился Геннадий Богдашевский в трамвае за пассажира, незаслуженно обиженного контролёром, сообщил про обидчика куда следует.

Патрульные подсаживают инвалида в троллейбус и помогают милиции бороться с преступниками, стыдят неряху и приводят в чувство дебошира. Они проходят по городу, как добрые и умные хозяева, заботящиеся о том, чтобы было всё в нём как можно красивей и приятней для людей, чтобы не путалась у нас под ногами дрянная кучка мусора, чтобы не попал в беду растерявшийся человек.

И за всё это — за зоркий взгляд, за смелую поступь, за сердце, лишённое равнодушия, — их и уважает народ.

МИХАЙЛОВСКИЙ САД

В ЭТОТ сад есть два входа. Один — с Садовой улицы, напротив Инженерного замка, а второй — с канала Грибоедова, рядом со старой церковью. Большой это сад, да и в центре города. Видимо, поэтому и собирались сюда мальчишки и девочки, живущие на центральных улицах. Лет 25 тому назад в саду для ребят были устроены баскетбольная, волейбольные и городошные площадки, теннисный корт, даже импровизированный боксёрский ринг на траве.

В этом саду, так же как и в Таврическом, начали свой спортивный путь многие известные чемпионы — победители крупнейших международных соревнований, такие, как, например, заслуженные мастера спорта волейболисты Павел Воронин и Анатолий Эйнгорн — ныне тренер сборной команды СССР, футболист Николай Дементьев, известные мастера баскетбола Константин Вэрс, Юрий Вайншток, Георгий Цветков... В общем, на площадках этих садов выросло добрых два десятка мастеров спорта.

Тон всем ребятам задавали всегда спокойные и дисциплинированные «кандидаты в боксёры» Ан-

дрей Шупак и белокурый паренёк Ваня Осипов.

Бывало, конечно, и подерёмся — случается такое среди мальчишек. Но никогда ни Андрей, ни Иван в стычки не лезли.

«Бокс — это не драка» — есть такая стародавняя заповедь у боксёров. И оба они, только-только вступив на спортивную дорогу, твёрдо заучили этот закон.

С тех пор прошло много лет. Мастер спорта Советского Союза Иван Павлович Осипов не раз был чемпионом Ленинграда. В схватках на ринге он в разные годы победил восьмерых чемпионов Советского Союза. Но вот пришлось уходить с ринга. Появились молодые боксёры, и им надо уступить место. Иван Павлович, окончив институт, решил посвятить свою жизнь воспитанию новых, настоящих боксёров.

И вот тут-то и начинается рассказ об олимпийском чемпионе.

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

ГЕНКА Шатков был во дворе не то, чтобы самым слабым мальчуганом, но не из сильных. Ну и, конечно, попадало. Особенно за то, что он всегда защищал девочек и ребят помладше. А ведь обидно, когда ты прав, а тебе всё равно влетает от мальчишек только потому, что они сильнее.

Генку дома прозвали «рыцарем» за то, что он защищал слабых.

И вот в один из дней 1946 года 14-летний ученик 7-го класса 222-й школы Геннадий Шатков пришёл в красивый дом на Фонтанке — во Дворец пионеров имени А. А. Жданова.

— Скажите, пожалуйста, где здесь принимают ребят учиться боксу?

— Иди наверх по лестнице и спроси Ивана Павловича Осипова, — сказал дежурный.

Так состоялось знакомство чемпиона бывшего и чемпиона будущего.

На первом же занятии Иван Павлович заметил у парнишки неуёмное желание в точности повторять то, что ему показывают. Опытный глаз подметил в неуловимых штрихах движений новичка, в его схватывании первых боксёрских навыков задатки будущего мастера.

И долгие-долгие часы тренер раскрывал перед Геннадием тайнства боксёрского боя. Молниеносное маневрирование по рингу сменялось надоедливыми, но нужными сражениями с мешком, набитым песком. Сколько тысяч ударов пришлось нанести этому мешку, прежде чем окрепли кисти рук и перчатка падала в неодушевлённого противника правильно, под прямым углом к плечу!

В боксе можно быть очень сильным от природы человеком, но не уметь бить сильно. Правильный, чёткий, отрывистый удар разит мгновенно, даже если он и не очень силен.

И вот здесь, в зале Дворца пионеров, и родился тот «шатковский» удар в разрез между рук противника, с ложным отступлением назад, за который Геннадия Шаткова на VI Олимпийских играх в Мельбурне зарубежные газеты прозвали «австралийской грозой».

Год не выпускал Иван Павлович Осипов Геннадия на соревнования.

Мальчишки во дворе начали с уважением относиться к своей недавней «жертве». Никто уже не посягал на

косы девочек и не приставал к маленьким ребятам.

— Скажем Гене, — он вам задаст.

И вот как-то на занятиях Иван Павлович говорит:

— Попробуем, Гена, что у нас с тобой получилось. Начинаются соревнования на первенство Ленинграда среди юношей. Решили и тебя включить в команду Дворца пионеров. Будешь защищать наш спортивный флаг.

Первые настоящие состязания и первый успех. Геннадий стал чемпионом города. Затем ещё три года подряд никто не мог совладать с упрямым, настойчивым и удивительно спокойным пареньком. Причём в 1951 году Геннадий Шатков оказался дважды чемпионом Ленинграда — вначале среди юношей, а в конце года и среди взрослых.

А вот в школе пришлось получить страшный нокаут. Учился Гена только на пятёрки. Все выпускные экзамены сдал на «отлично». Но в последнем учебном бою был нокаутирован... сам собой. Плохо подготовился к экзамену по немецкому языку и получил «тройку». Все уже поздравляли родителей с золотой медалью — и вдруг такая неприятная неожиданность.

— Наказан за самоуверенность, — сказал отец.

— Так же будешь наказан и в боксе, — сказал тренер. — Уверенность — это хорошо, самоуверенность — очень плохо.

И снова вспомнился Геннадию двор, когда мальчишки били его. Этот удар был посерьёзней.

Уже будучи студентом юридического факультета университета, известным чемпионом, Геннадий ни на один экзамен, ни на один бой не выходил без большой предварительной подготовки.

БОЛЬШОЙ БОКС

СОВЕТСКИЕ спортсмены собирались в далёкий путь. Тысячи и тысячи километров отделяли Ленинград от олимпийской столицы — австралийского города Мельбурна, где в VI Олимпийских играх дол-

жен был решиться вопрос, кто является спортивной олимпийской державой на земном шаре. 21 вид спорта входил в программу игр и в том числе бокс. В команду боксёров нашей страны был включён и Геннадий Шатков.

Мы сидели у него дома — обедали. Через день ему нужно было отправляться в дорогу.

— А как вы думаете, какими вилками мы сейчас едим? — вдруг спросил Геннадий.

Я недоуменно покрутил вилку, ничего особенного, обычная, как и все её металлические подруги.

— Это самые «технические» вилки в Европе, — пояснил Геннадий.

И узнал я следующую историю.

Спортивный союз рабочих Финляндии праздновал юбилей. На турнир боксёров пригласили гостей из Советского Союза и других стран. От нашей страны решили послать молодёжь. В том числе и не известного ещё на международной арене ленинградского студента Геннадия Шаткова.

Судьи были изумлены. Как только на ринге появлялась коренастая фигура Геннадия, зрители в зале закладывали пари — сколько времени продержится его противник.

Все соперники были побеждены нокаутом, то есть, познакомившись с перчаткой Шаткова, оказывались на полу. И настолько убедительны были удары, что ни один из них не мог подняться с помоста до счёта судьи — десять.

А сразу же после финского турнира в американской зоне Западного Берлина начался чемпионат Европы. Геннадия включили в сборную команду СССР. И вот Берлин.

В боксе все спортсмены разделяются на 10 весовых категорий. Ведь смешно было бы ожидать равной борьбы между боксёрами, из которых один весит 100 килограммов, а другой вдвое меньше. Поэтому для спортсменов с примерно равным весом имеются свои категории и в каждой из них свой чемпион.

Вместе с «неизвестным русским» Шатовым в одной из категорий за

золотую медаль чемпиона Европы ринулись в бой экс-чемпион мира швед Шелин, чемпион Англии Хоуб и «звезда Европы», не знавший ещё ни одного поражения, чемпион ФРГ немец Дитрих Вемхонер.

Наши боксёры сидят и завтракают в кафе. Через несколько столиков от них Вемхонер, показывая пальцем на Геннадия, громко сообщает корреспондентам газет о том, что он в отличной спортивной форме и сделает из русского отбивную котлету.

Трудный это был бой. Но когда истекло время схватки, судьи единогласно объявили победителем 22-летнего ленинградца.

Следующий бой. На ринге — Геннадий и англичанин Хоуб. Заполнившие зал американские солдаты и офицеры неистово кричат:

— Дай ему, Хоуб, бей его!

Англичанин, словно выброшенный пружиной, подскочил к Геннадию и... упал. Не ожидал, видимо, едва заметного движения руки и короткого, резкого удара. Американцы взвыли. Хоуб поднимается с пола и вновь идёт в атаку... И вновь оказывается на полу. После третьего нокаута американские болельщики умолкли. Победа Шаткова не вызывала сомнений.

В решающем — финальном — бою Геннадию так же уверенно удалось победить шведа Шелина. И вот воспитанник Дворца пионеров, «неудачливый рыцарь» Генка Шатков на пьедестале чемпиона Европы.

Решением специального жюри Геннадию Шатову был присуждён приз «за лучшую технику ведения боя» — красивый набор ножей и вилок, на футляре которого выгравирована дарственная надпись.

Так вот почему Геннадий назвал эти вилки самыми «техническими» в Европе!

Весь этот 1955 год был «урожаем» для Геннадия. К титулу чемпиона Европы он прибавил ещё и звание чемпиона Советского Союза.

— Ну что ж, Гена, теперь впереди Мельбурн, будем готовиться. — Это было всё, что услышал он от Ивана

Павловича Осипова. — Цветы будут потом, — добавил тренер.

И снова начались бесконечные бои с неуловимым противником — «тенью» — очень трудная, но необходимая тренировка. Схватки с са-

мим собой у зеркала — боксируешь и видишь брешь в своей обороне. Значит, нужно менять тактику атаки.

И вот закончились государственные экзамены. Ни одной тройки за пять лет учёбы! Урок со школьной

неудачей на экзамене по немецкому языку не прошёл даром. Геннадию предоставили право поступить в аспирантуру университета.

На учебном фронте как будто всё в порядке, а как будет на спортивном?

СЕМЬДЕСЯТ ЗОЛОТЫХ СЕКУНД

В ГЕОРГИЕВСКОМ зале Московского Кремля в разгаре бал победителей Спартакиады народов СССР. Капитана ленинградской команды боксёров, мастера спорта Геннадия Шаткова поздравляли с двойной победой. Он вновь завоевал золотую медаль чемпиона страны, а возглавляемая им команда стала лучшей в Советском Союзе. Хрустальный кубок с серебряной фигуркой боксёра на крышке будет доставлен в Ленинград. Не думал тогда Геннадий, что именно здесь, в этом зале Кремля, через несколько месяцев произойдут события, которые останутся в его памяти на всю жизнь. Но об этом позже.

Хрустальный кубок поехал в Ленинград, а капитану пришлось остаться в Москве. Снова тренировки к самым крупным на нашей планете состязаниям — олимпийским играм.

Тысячи и тысячи людей стекались в олимпийскую столицу. Их доставляли пароходы и самолёты, поезда и автомашины. И ещё до начала олимпийских игр был уже установлен первый своеобразный олимпийский рекорд. Его установил американский турист Дон Ньез. Он начал свой путь с Сан-Франциско. «Зайцем» ехал на теплоходах и поездах. 1500 километров ему помогли сократить попутные автомашины. Часть пути прошёл он пешком. Это путешествие заняло у него... два года, но зато он не истратил на дорогу ни копейки и, по признанию газет, установил мировой рекорд для «зайцев».

Многое рассказывалось на страницах газет об олимпийских играх. Когда закончились состязания боксёров, известная французская газета «Экип», которую называют «законодателем европейского спорта», оз-

главила своё сообщение так: «Если итоги турнира показывают, что для американского бокса наступило время заката, то СССР со своими чемпионами завоевал крепость... Советские боксёры обладают, как правило, классическим стилем. Их система боя корректна и в то же время эффективна. А между тем судьи в Мельбурне были часто очень строги к русским боксёрам и по причинам, далеко не всегда объективным».

Но как ни старались некоторые судьи, они ничего не могли поделать тогда, когда на ринге появлялся Геннадий Шатков. Та же газета «Экип» писала о Геннадии: «...Он уже имел заслугу победить сильнейших европейцев в своей весовой категории: Шелина (Швеция), Вемхонера (ФРГ), Спасова (Болгария), Пюрковского (Польша), не считая англичан Хоуба и Веллса, которого трижды пригвозждал к помосту».

Как же шёл к Большой золотой олимпийской медали наш герой?

Первый бой. Противник — канадец Хозек. Он левша. И это очень неприятно. Надо менять тактику. Вот тут-то и оказался опыт тренера Ивана Павловича Осипова, научившего Геннадия бороться с любым противником и в любой обстановке.

Хозек, зная, что в каждой перчатке Шаткова таится страшная угроза, не рискнул нападать. Геннадий красиво, изящно «переиграл» противника и победил по очкам с большим преимуществом. Это была единственная победа по очкам.

Второй бой Шаткова не состоялся. Как писали газеты, «Его противник, итальянец Ринальди, был достаточно благоразумен, чтобы не выйти на ринг».

Но вот полуфинал. И начались неприятные неожиданности. Вначале автомашина, на которой Геннадий ехал из олимпийской деревни в «Вестстадиум», сломалась. Только добрались, судьи заявляют, что его противник отказался от боя и Шаткову незачем разогреваться перед схваткой.

И опять словно шепнул на ухо Иван Павлович: — «Гена, не верь,

всегда нужно быть готовым». И Геннадий приготовился, так, на всякий случай. И оказался прав. Вдруг ему объявили, что он должен выходить на ринг на бой с аргентинцем Салазаром. Вначале Геннадий почувствовал себя не совсем уверенно. Но затем взял себя в руки и во втором раунде нокаутировал Салазара.

Финал. Решающая схватка за золотую медаль олимпийца. Противник Геннадия — чилиец Рамон Тапиа. Он только что нокаутировал олимпийского чемпиона чеха Торму. Торма считался непобедимым. Он провёл 800 боёв. Представляете, какой опытный боксёр! И... всё же Торма проиграл чилийцу.

Тапиа окружили поклонники и секунданты. Они громко смеялись, привлекая внимание публики, вызываясь смотрели на Геннадия.

Тогда к Шаткову подошёл старший тренер, известный в своё время советский боксёр Виктор Михайлов, и сказал: «Пусть смеются, а мы с тобой посмеёмся над ними на ринге».

Тапиа кричит: — «Сейчас цветов не надо. Положите их вот в тот угол. Во втором раунде я нокаутирую русского именно в этом месте!»

Но второго раунда не оказалось. Как только прозвучал гонг, Тапиа бросился на Геннадия, обрушив на него град ударов, и... повторилась картина чемпионата Европы. После красивого обманного движения Шаткова Тапиа, как говорят боксёры, «провалился вперёд» — бил в противника, а попал в воздух: Геннадий уклонился от удара. И в этот же момент чилийца настигла перчатка Шаткова. Он на полу. Нокаут. Остальное было, как говорят, дело техники. Через

несколько секунд оправившийся Тапиа вновь кинулся в атаку, и вновь последовал сокрушительный удар. Всё было кончено. На семидесятой секунде первого раунда Геннадий Шатков нокаутировал противника и стал олимпийским чемпионом.

Известный специалист бокса Жан Маришан писал о Шаткове: «Одним ударом он достиг того, чего другие достигают пятьюдесятью».

И, стоя на пьедестале почёта, олимпийский чемпион Геннадий Шатков вспомнил снова Ивана Павловича Осипова:

«Цветы будут потом, а сейчас — надо тренироваться».

Советские олимпийцы возвращались с победой домой. На всём пути их ждали тёплые встречи. Но вот Москва, и снова Кремль. На торжественном приёме в честь олимпийской победы советского спорта Геннадия поздравил Первый секретарь Центрального Комитета КПСС Никита Сергеевич Хрущёв. А когда сказали, что Шатков не только отличный боксёр, но и отличный юрист, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян шутливо заметил, что Шатков может доказать истину не только словом, но и силой.

И вот в канун Первомая этого года мы все с радостью узнали о том, что воспитанник Ленинградского дворца пионеров, аспирант университета, комсомолец Геннадий Шатков удостоен высшей награды Родины. Страна наградила его орденом Ленина. И молодёжь нашего города доверила Геннадию вместе с другими делегатами представлять Ленинградскую комсомольскую организацию на 13-м съезде ВЛКСМ.

4. ПОЗДНО ХВАТИЛСЯ

СОЛНЦЕ ещё не зашло, а все ставни в доме коменданта Старегорской полиции были уже закрыты и в гостиной горел свет.

— Опять эта проклятая валашка! Опять! — Комендант Младек метался по комнате так, что полосатая пижама развевалась, словно по ветру.

Жена остановила его. Ласково положила свои белые полные руки на его широкие, крепкие плечи и, заглядывая в большие встревоженные глаза мужа, умоляюще прошептала:

Продолжение. Начало см. «Искорку» №№ 8 и 9 за 1958 г.

— Успокойся, Иржи. Успокойся. Зачем всё так близко принимаешь к сердцу!

— Ты говоришь, сама не знаешь что. — Младек с досады отвернулся. — Какой может быть покой, пока действует эта проклятая валашка!

И, отстранив руки жены, он снова начал быстро ходить от рояля к двери по голубому, с бледно-розовыми цветами ковро.

— Я скоро сойду с ума! — остановившись на полпути, закричал Младек. — Я каждую ночь вижу во сне эти проклятые листовки, Марина. — Теперь он сам подошёл к жене и доверчиво посмотрел в её испуганные, затуманенные слезами глаза. — Ты знаешь, иногда мне кажется, что колёса этой проклятой типографии вертятся перед самыми глазами или где-то в моём мозгу. И тогда мне хочется... Стой! — широко раскрыв глаза, он застыл в позе человека, приготовившегося подслушивать.

— Да что с тобой, Иржи?

— Гудит... Слышишь?... Где-то под полом.

Краткое содержание предыдущих глав

Из фашистского лагеря смерти Бухенвальда бежали русский Григорий Кравцов и словак-коммунист Вацлав Гудба. Вацлав был очень слаб. Перед смертью он поведал русскому тайну, которую просил передать друзьям в его родной деревне Туречка. Нужно было найти Яна Ковача и предупредить, чтобы береглись Цотак, который оказался предателем. По заданию гардистов (словацкие фашисты) Цотак ищет «Валашку Яношика» — так называлась подпольная типография коммунистов. В последний момент перед смертью Вацлав прошептал: «Если Ковача уже нет, найди...» Но фамилию умирающий произнёс так тихо, что Григорий её не разобрал.

Выполняя волю умершего, Кравцов добрался до Малых Татр. В последнюю ночь пути он случайно встретил в горах трёх подростков: Цирила, Ёжку и Тонно. Григорий направился вслед за подростками в деревню в надежде, что они помогут ему выполнить поручение.

Григорий решил переждать до утра, забравшись под развесистую ель, а утром поговорить с Цирилом. Но это ему не удалось. Утром на шоссе показалась грузовая машина с гардистами. В деревне началась суматоха, многие мужчины спешили уйти в горы. Машина с гардистами всё ближе приближалась к скале, на которой стоял Гриша. Рядом был громадный камень, нависший над дорогой. У Гриши мелькнула смелая мысль. Он схватил палку и стал раскачивать камень. Камень рухнул, но машина с гардистами на несколько метров не дошла до места падения. Гардисты были в безопасности, но дорога завалена. «Всё же это задержит гардистов и поможет людям скрыться», — подумал Григорий.

Он снова спрятался под ель. В это время к дому, где жил Цирил, подошли три фашиста. Один подошёл к окну и закричал: «Ян Ковач, открывай!» Значит, отец Цирила — Ковач. Григорий вскинул винтовку и хотел перестрелять гардистов, но было уже поздно. Из сеней выскочил Цирил, а гардисты вошли в дом. Через некоторое время они вытащили забинтованного Ковача и поволокли в лес. Цирил и подбегавший Ёжко следовали за ними. Но что могли сделать два мальчика против трёх вооружённых гардистов! Вдруг раздался один за другим три выстрела, гардисты были убиты. Это стрелял Кравцов. С удивлением и испугом смотрели мальчики на незнакомца.

— Я русский, — сказал он.

Цирил вспомнил поручение, которое дал ему отец перед приходом гардистов, — пробраться к баче Франтишеку и передать ему: «Если будут улики, я всё возьму на себя». Уже тогда Цирил понял, что отец ради спасения товарищей обрек себя на смерть. И Цирил поручил Ёжко отвести русского к баче Франтишеку.

Только к ночи добрались они до шалаша бачи. Он встретил гостей сдержанно. Поужинали, завязалась беседа. Вдруг залаяла собака. Но тревога оказалась напрасной. Это прибежала сестра Ёжко — Божена. Она рассказала, что полиция разыскивает советских парашютистов и подозревает, что они скрываются в этих местах. Гардисты вскоре будут здесь. Поблагодарив Божену, бача отправил её домой, а гостям велел идти под Камень Яношика и там укрыться на день-другой.

— Ежиш Марья! — махнула рукой жена. — Это Божена кофе мелеет.

— А-ах, — ухватившись за голову, простонал Младек. — Выбрось ты эту рухлядь. Неужели не в состоянии купить новую мельничку?

— Успокойся, Иржи. Больше она не будет шуметь, когда ты дома. Ляг, усни.

— Спать ещё нельзя. Ко мне придут.

— С чёрного хода?

— Да... Сыграй что-нибудь.

— Я твою любимую... — направляясь к роялю, сказала Марина и натянуто улыбнулась.

Но, сев к роялю, она спросила, почему он так усердно охотится за подпольной типографией, нельзя ли быть к ней более равнодушным.

— Марина, что ты опять говоришь! — вскрикнул Младек. — Пока я не найду типографию и не разорю

гнезда коммунистов в своём районе, о переводе в Братиславу и речи быть не может. Подумай сама, за что же повышать меня, если в районе творится чёрт знает что. Ты ж не знаешь и сотой доли того, что делает эта адская машина, эта проклятая «Валашка Яношика». Одна листовка делает за полчаса больше, чем я за целую ночь со всей своей ротой, вооружённой до зубов.

Подойдя к жене, Младек вдруг тихо и доверительно рассказал о том, как одна единственная листовка, подброшенная кем-то в церкви, испортила всю работу по мобилизации людей на ремонт разрушенного партизанами тоннеля.

— Вот она, эта бумажонка! — Вынув из кармана маленькую серую листовку, Младек потряс ею над головой. — Всего несколько слов. И не

призыв, не воззвание, а простая сводка с фронта.

— Что в ней? — попросту спросила жена.

— Вот видишь, даже тебе интересно, — комендант отшатнулся от жены.

— Да что ты, Иржи! Неужели думаешь, что я жду прихода красных? Наоборот, боюсь. Боюсь, как погибели...

— Прости. Я устал, — виновато сказал Младек и, пряча листовку, поцеловал руку жены. — В сводке говорится, что Красная Армия уже вступила на территорию Чехословакии и что взрыв тоннеля у Ружемберга очень помог большевикам — он отрезал путь немцам к большому участку фронта.

— Иржи... — тихо, в тревоге заговорила жена. — Неужели у нас так

много врагов? Ведь это ясно, что все, кто не вышел на работу у тоннеля, жаждут прихода красных.

— А не вышел из моего района ни один человек. И всё это сделала «Валашка Яношика». А ты говоришь, не принимай к сердцу.

— Да... — опустив глаза, жена покачала головой. — Кстати, почему они её так называли?

— О, это хитрая выдумка! Они на это мастера. — Младек опять заходил по комнате. — Про валашку Яношика ходит поверье, что она действовала за целую сотню храбрецов. А типография тоже делает не меньше. В этом убедилась уже даже ты. Бывает, она выпускает такие листовки, что лучше б мне целую неделю сражаться с отрядом партизан, чем вылавливать эти бумажонки. — Младек вдруг посмотрел на часы и молча ушёл к себе в кабинет.

Огня в кабинете он не зажигал. В темноте лучше думалось.

Но о чём было думать? В голову

лезло только то, что вертится вокруг подпольной типографии.

Младек и здесь начал ходить взад и вперёд, мысленно переваривая дневной разговор с фараром.*

«Не кажется ли вам, пан комендант, что этот прохвост симулирует? — явственно вспоминался вопрос святого отца. — За полтора года не разнюхать типографии, когда коммунисты считают его своим и так доверяют?»

Комендант кивал головой, мысленно повторяя свой ответ: что он уже об этом думал, что и ему этот тип кажется подозрительным.

— Впрочем, сегодня я ему наступлю на хвост, — решительно говорит себе комендант и прислушивается, не идёт ли кто с чёрного хода. Но в коридоре было тихо. Из гостиной чуть слышно доносилась мелодия вальса «Сказки Венского леса». Но даже любимая мелодия не в силах

*Католический священник.

была развеять навязчивых воспоминаний.

Нет ни вальса, ни тёмных стен кабинета. Перед глазами коменданта опять спокойный, немножко ссутулившийся фарар с его ровным поведенческим голосом.

— Итак. Вы испытали все возможные средства, сын мой, — сладко, почти молитвенно говорит фарар. — Прибегнем ещё к одному способу, которому вразумил нас господь по своей великой милости... Пусть ваш человек пустит слух среди руководителей коммунистической организации, что полиция узнала, где находится типография и готовится разгром. Для большего эффекта можно кое-кого арестовать уже сейчас, чтоб создать впечатление, что вы подбираетесь к цели. Естественно, что подпольщики зашевелиятся и попытаются перевести типографию в другое место. Ну, а тут уж, пан комендант, помогай тебе панна Мария и Ежиш Кристус.

— Замечательно! — с завистью глядя на своего друга и духовного наставника, воскликнул комендант. — Вам бы портфель Шане Маха.*

В коридоре щёлкнул замок. Младек встрепнулся и, включив свет, сел за письменный стол.

Вошёл Маречек. Как всегда, весёлый, энергичный, подвижный.

— Вы такой сегодня весёлый, пан Маречек, что можно надеяться на хорошие новости, — вместо приветствия сказал комендант и указал на кресло возле стула.

Маречек, удобно устроившись в мягком, обитом голубым плюшем кресле, преспокойно ответил:

— У пана Крамаржа нашлась бутылочка сорокалетнего и мы устроили маленький пир. А больше никаких новостей.

— Довольно! — комендант пристукинул ладонью по столу. — С завтрашнего дня вы начнёте работать по-настоящему или я вас отстраню совсем.

— Рад труду, если пан комендант

* Шане Мах — министр внутренних дел времён гитлеровской оккупации.

научит меня работать по-настоящему, — ехидно улыбнулся Маречек, считавший Младака молокососом.

— Фарар вам ещё полностью доверяет?

— Конечно.

— Тогда слушайте, — и комендант начал выкладывать план действий, предложенный фараром...

С ВЫСОКОГО утёса тяжёлым каскадом падает небольшая, но шумная речка. На дне узкого ущелья вода собирается в огромный котёл, в котором, как обглоданные кости, кипят и варятся огромные серые камни.

Почти у самого водопада, на зелёной полянке, спрятанной в густом березняке, жарко горит небольшой костёр. Дыма от него почти нет: Гриша за время побега научился держать костёр без дыма.

— Ёжо, а ты ничего не перепутал? Бача обещал прийти к этому водопаду? Не к другому? А может, он ищет нас возле ели? Хотя нет, я сам слышал про водопад.

Ёжо сидит у костра на камне и, нацелившись ложкой, ждёт, когда надо будет помешивать кофе. За три дня ожиданий он уже не раз слышал этот вопрос и потому ответил неохотно. Он и сам тревожится за старика, да боится говорить об этом, чтобы Гриша не ушёл. Ёжо уверен, что Гриша недолго тут пробудет, ещё день-два и уйдёт к фронту, а ты оставайся, как знаешь.

— Гришькоо, рассказывай дальше.

— Всего не расскажешь... — ответил Гриша, но всё же продолжал: — Ну вот, получили мы свидетельство об окончании семилетки. А Гале Лесовской и мне за отличную учёбу дали путёвки в самый лучший пионерский лагерь — в Артек.

— Хорошо там? — спросил Ёжо.

— Очень. Когда-нибудь и у вас такой будет.

— Для сынков богачей да гардистов, — пробубнил Ёжо и со злостью бросил в огонь сырую сучковатую палку.

— Да ты не порти костёр из-за

гардистов. Задымил. Увидит кто-нибудь...

Ёжо поспешно вытащил из огня дымящееся полено и бросил под водопад, в ревуший, пенящийся омут. Красная от заката, кипящая вода омота вмиг проглотила полено.

— Вот так будет и с гардистами, — сказал Гриша, глядя туда, где исчезло полено.

— Когда это будет!.. — вздохнул Ёжо.

— Мне тоже не пришлось побывать в Артеке. Наш поезд возле Белгорода немцы разбомбили. — Гриша умолк, и в уголках его больших бледных губ появились глубокие, страдальческие морщинки. Шрам на лице стал ещё краснее и краешки его нервно подёргивались.

— Началась война. Сначала мы с Галей и ещё двое ребят жили в селе Бобры, недалеко от Белгорода, а когда туда пришёл немец, я ушёл к партизанам. Назначили меня связным. Моё дело было ходить в Бобры и от Галиной хозяйки получать сведения о немецких поездах. Галина хозяйка была стрелочницей на железной дороге.

Кофе вскипел. Сняв котелок с огня, Ёжо налил кофе Грише в его флягу, а себе в деревянную чашку, сделанную им самим из куска берёзы.

Гриша взял флягу обеими руками и по бродяжьей привычке, грея об неё руки, продолжал:

— Прихожу однажды на рассвете в село, а оно оцеплено немцами. Машины на улице гудят. Люди галдят. Детишки орут. Поросята визжат. Немцы стреляют. Целый содом. Идут старики с узлами. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Молодёжь в Германию берут... Как быть? Пока вернусь в от-

ряд, немцев и след простынет... — Гриша отхлебнул кофе, замолчал.

— И как?

— Да как же. Решил добровольцем уехать в Германию.

— Что ты! — отмахнулся Ёжо.

— Правда. Когда немцы закончили облаву и сошлись на площади, я забежал в дом, где жила Галя. А там пусто. Сорвал со стены гармошку. Сына хозяйки немцы повесили в первый день оккупации. Осталась ей только гармошка. В ящике с инструментами нашёл я кусочек ножовки, чтобы железо резать. Сунул его в гармошку и пошёл по улице. Растягиваю гармонь, песню ору.

Старухи меня чуть не заплевали с ног до головы, подумали, что я и на самом деле добровольцем еду в Германию.

— И немцы поверили?

— Поверили, гады. С почётом посадили в машину. А в вагоне даже старшим назначили...

Едем... Галя на меня даже не смотрит. А ребята сговариваются задушить, как только настанет ночь.

— Ну и...

— Не успели задушить, — хитро подмигнул Гриша. — Вечером я открыл гармошку и бросил им ножовку. Пилите решётку!

Распилить решётку было не самым трудным делом. Но пролезть в окно на ходу поезда, подобраться к дверям и открыть их оказалось куда сложнее... Пришлось связывать верёвку из полотенец и протягивать из окна в окно. Галя вылезла в окно и, держась за эту верёвку, пробралась к дверям.

Помню, как сейчас: поезд мчится через густой лес. На повороте Галя открыла крюк. Ребята отодвинули дверь и начали прыгать. Мы с Галей сговорились, что сначала поможем другим, а потом уже спрыгнем сами.

— Все успели? — не стерпел Ёжо.

— Да вот я ж попал в самое пекло.

— А Галя?!

— Слушай, Ёжик. Что ж это старик? Солнце заходит, а его всё нет...

— Придёт, — успокаивал Ёжо, чтоб не прерывать рассказа. — Говори, говори.

— Ну, что ж, все спрыгнули. Остались мы с Галей. Вдруг она схватила меня за рукав: стой!

Прыгнул бы, как раз угодил бы на стрелку. Хорошо, если насмерть, а то покалечился бы... Ну, а за стрелкой сразу станция. Вот и все...

— И вы не убежали?

— Куда ж там бежать! Станция кишит немцами. Конвойные, стоявшие в тамбурах, видели, что творилось в пути. И как только поезд остановился, все сразу окружили наш вагон. Убили б меня, как пить дать, да начальник поезда знал, что я доброволец. Избили меня до полусмерти и бросили в другой вагон.

— В какой город привезли вас?

— В Регенсбург. Это на западном берегу Дуная. Утром привезли, а к вечеру уже роздали помещикам.

— А Галя?

— Её увезли на фабрику, а меня взяла немка. Такая стерва, каких свет не видал! У неё было три сына и все эсэсовцы. Но как мне ни доставалось, а на заводах и фабриках нашим ребятам жилось ещё хуже. Работать заставляли по двадцать часов в сутки, а кормили только баландой. Галя попала на оружейный завод. Когда я нашел её, она уже еле держалась на ногах. Увидела меня и залилась слезами: «Теперь я могу и умереть». Нет, говорю, надо бежать, обязательно бежать. «А куда, спрашивает, бежать? Не всё равно, где подышать, тут или на дороге?..» Не узнал я прежней Гали... Замучили, гады...

Гриша подложил хворост и с тревогой посмотрел на выпуклую макушку Крижны. После заката солнца Крижна быстро обволакивалась фиолетовой дымкой и словно таяла в наступающих сумерках. Ещё немножко, и макушка исчезнет совсем. Тогда уже едва ли придёт к водопаяду старый бача.

— Гришькоо, что там? — подняв

руку, насторожился Ёжо. — Кто-то идёт?..

— Ничего я там не вижу, — глянув туда, куда показывал Ёжо, ответил Гриша.

— Так и не захотела бежать? — спросил Ёжо, уже больше думая о Гале, чем о старике.

— Может, так и не согласилась бы, да я напомнил ей слова Долорес Ибаррури, которые когда-то написал ей в альбом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

— И убежали?

— Да. Только нелегко там было бежать. Это здесь свой народ. И покормят и оденут. А там ничего не достанешь. Карты у нас не было. Шли вслепую: на восток и только. Если попадалось опасное место, я прятал Галю, а сам шёл в разведку. Один раз и нарвался. Недалеко от Веймара, возле концентрационного лагеря.

— Бухенвальд называется? Там пять человек из нашей деревни замучили.

— Везде знают этот Бухенвальд! — вздохнул Гриша. — В тот день кто-то бежал из лагеря. За ними гнались с собаками. Я мог бы притаиться и меня не заметили бы, да эсэсманы направлялись как раз в тот лес, где осталась Галя. Ну, я и отвлёк их.

— А те, за которыми гнались, убежали?

— Убежали. Уже в лагере я узнал, что это была группа немецких коммунистов, приговорённых к расстрелу.

— А Галя?

— Больше я её не видел, — оборвал свой рассказ Гриша и встал. — Вот что, Ёжо, надо идти навстречу старику. Одному остаться здесь, а другому идти. Мне кажется, с ним что-то случилось.

— Подождём ещё до утра. Куда спешить?

— Эх, Ёжик! Знал бы ты, как я спешу...

И Гриша решил, наконец, открыть часть своей тайны, чтоб и Ёжик понимал, что отсиживаться нельзя, что надо действовать как можно скорей и решительней. Он рассказал, почему шёл именно через их село, назвал фамилии людей, которых должен увидеть. Яна Ковача он назвал правильно, а вторую так и повторил наугад, то ли Благовер, то ли Долговер.

Ёжо, недолго думая, поправил его:

— Лонгавер.

— Лонгавер? Точно! Лонгавер! — громко воскликнул Гриша, забыв на секунду о необходимости остерегаться.

ся. — Где живёт? Кто он? Бежим к нему.

— Так это и есть наш бача, — виновато ответил Ёжо.

— Бача? — Гриша хлопнул рукой по прикладу винтовки, висевшей на груди, и, обессиленный, сел на камень.

— Я как-то не подумал, когда ты просил назвать фамилии... У нас привыкли: бача, бача... — убитым голосом оправдывался Ёжо. — Гришко, я сбегаю. Я очень быстро. А ты обожди здесь... Может, ещё придёт.

— Нет, Ёжо. Теперь нам разлучаться нельзя, — вздохнул Гриша. — Идём.

По берегу Туречки быстро шёл невысокий сухощавый человек в костюме цвета еловой хвои и светло-зелёной шляпе, украшенной фазаньим пером. И прохожие и те, кто находился возле домов или что-нибудь делал во дворах, низко кланялись ему. А цестарь* Спишак, хитрый рыжий старик, вышел со двора специально затем, чтобы снять шляпу и сказать:

— Добрый день, пан горар. Как себя чувствуете?

— Спасибо. Чувствую себя, как пятилетний дубок в майское утро, — ответил горар, продолжая свой путь, и лукаво подмигнул: — Только не тот дубок, который вы срубили в зелёном яру. Право же, пан Спишак, можно было не губить такое красивое деревцо на какую-то подпорку в гнилом хлеву. Неужели сосны мало?

Спишак смутился и молча мял свою шляпу.

Горар пошёл дальше, а соседи начали смеяться над незадачливым браконьером:

— Что, Спишак, думал: «срублю вечером и всё будет шито-крыто?» Э-э, от Кошика не скроешь.

— Он сквозь землю видит.

— А сам не увидит, зайцы расскажут. Мой сын уже сказку сочи-

нил про нашего горара: будто бы лисицы передают ему тайны лесные, а медведи погоду предсказывают.

Горар — лесничий в горной словацкой деревне — самый почётный человек. И не удивительно: вся жизнь селянина здесь связана с лесом. Всё получает словак из зелёного царства: и топливо, и корм для скота, и дичь, и клочок пахотной земли.

Горар — не только страж, но и врач лесов. Ну, а Ярослав Кошик, в ведение которого входят леса шести деревень вокруг Крижны, — всем горарам горар. На вид неказистый. Лицо чёрное, кожа да скулы. Роста невысокого, тонкий и лёгкий. Но он совсем не чета лесничим, которые ленятся ходить по горам и лесам, везде посылают лесников, а сами жиреют и в сорок лет жалуются на одышку. Нет. Этот не такой, хотя ему уже за пятьдесят.

Спозаранок, ещё до завтрака, Кошик obeжит половину своего участка. Шагом он по лесу не ходит. С горы спускается бегом, потому что легко. А на гору поспешает, чтобы скорее взобраться.

Кошик знает в своём лесу не только каждое дерево, но, пожалуй, и мышиные норки. И везде появляется неожиданно.

Вот и сейчас он только вышел из села, свернул в лесистое ущелье, и сразу же раздался его спокойный, но строгий голос:

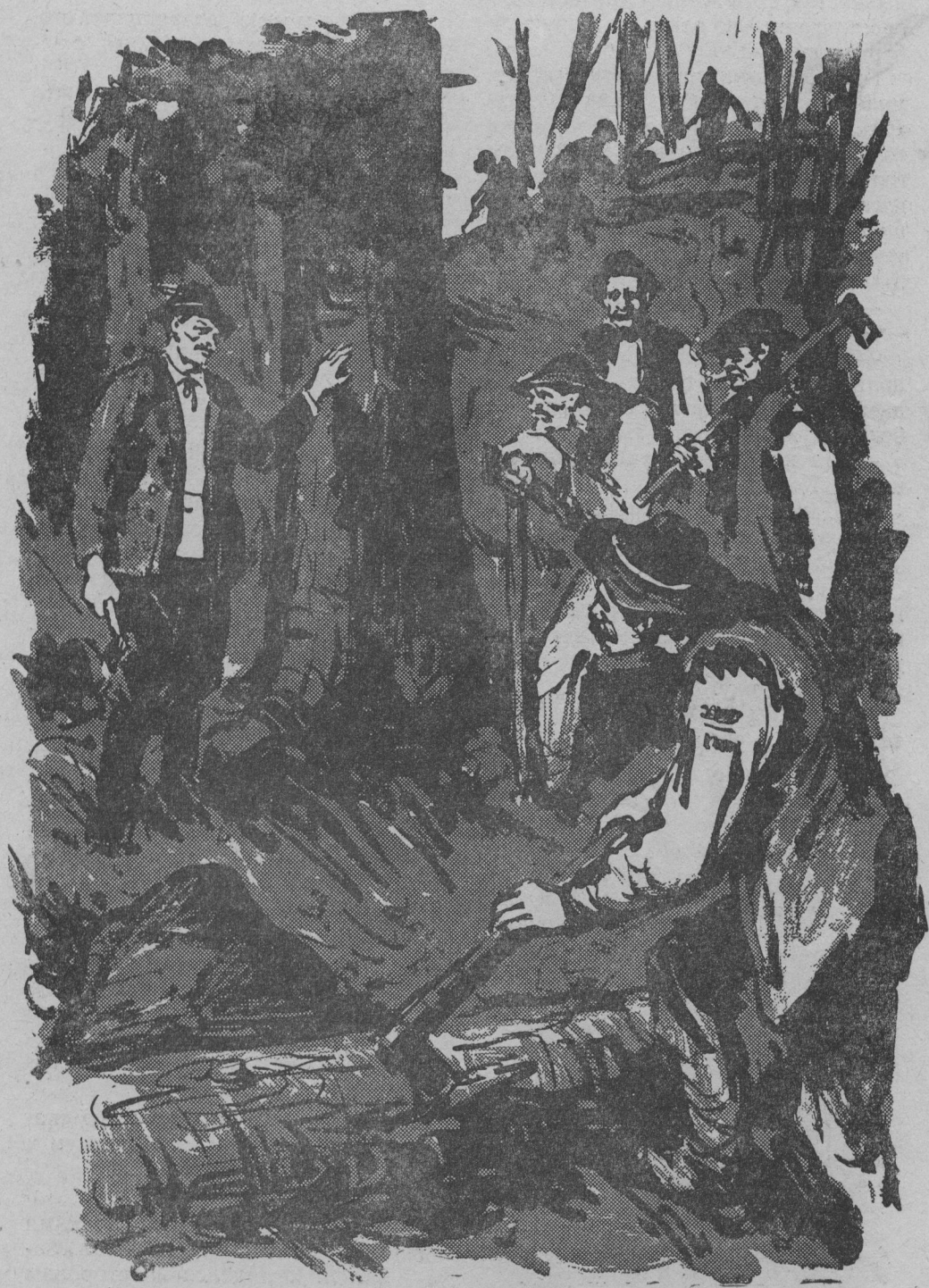
— Пан Чёрный! Пан Чёрный! Что вы делаете? Сейчас же бросьте топор.

— Пан горар, я не сосну. Я пенёк, — слышится в ответ. Браконьер совсем молодой человек. Но лицо у него измождённое, землистого цвета, а глаза в глубоких тёмных впадинах, усталые и воспалённые. Растерянно суёт он за пояс топор. Приподымает свою старенькую шляпу.

— День добрый, пан горар! Какая хорошая погодка... А небо! Хочется лечь и смотреть на него целый день!

Если бы кто услышал эти фразы со стороны, сразу понял бы, что браконьер старается умиловить горара, но говорит невпопад. Погода-то

* Цестарь — дорожник. В Словакии в каждом селе есть специальный человек, который всё время занимается ремонтом и охраной просёлочных дорог.

как раз незавидная. Дует сырой, холодный ветер. По небу плывут обрывки туч, похожих на грязное тряпье, пущенное по реке. К вечеру жди бури с ливнем.

Горар, не ответив на приветствие, молча подходит к браконьеру. Осматривает сосну. Цела. Подрублен только пенёк спиленного в прошлом году кривого бука, который обвивал сосну и портил её кору. Глядя на щепки, разлетевшиеся по траве, горар заговорил так тихо, чтоб слышал только браконьер:

— Сколько ночей не спал?

— Семь.

— Зачем же так? Самый тупой полицейский по твоему лицу догадается, что работаешь в помещении без воздуха. Учти это, Лацо.

— Да как же тут учитывать, товарищ Кошик...

— Даже в лесу не произноси слова «товарищ». Будь осторожен.

— Если мне спать, то...

— Трудно тебе. Знаю. Сегодня на партийном собрании решим этот вопрос. Прибавим тебе человека. Беда, нет у нас специалиста по типографскому делу.

— Был бы грамотный да старательный, а я его обучу в два счёта.

— Дадим тебе Маречека. А?

Лацо молчит.

— Не хочешь?

— Нутро моё не переваривает его. Коммунист он, правда, старый, с заслугами, а живёт, как барин.

— Ты должен понимать, Лацо, что его быт это тоже маскировка. А другого... я и не придумаю кого бы...

— Да я что... Пришлётё, будем работать, — нехотя говорит Лацо.

— Ну, я пошёл. Нужно отвести участок для рубки леса, — сказал горар и круто повернул в густой ельник.

НЕСКОЛЬКИМИ минутами позже горар уже отвёл группе лесорубов делянку и указал, в какую сторону валить деревья. Затем с другой группой он отправился в глубь леса.

Возле большой стройной сосны Кошик остановился и, любуясь ею, сказал тихо, но внятно:

— В типографию нужно послать ещё одного человека.

Сделав засечку на сосне, он направился к другому дереву.

— Это надо решить сегодня же.

Следовавшие за ним лесорубы внимательно рассматривали наметенные деревья и говорили вполголоса. Со стороны показалось бы, что все здесь заняты только выбором хорошей древесины.

— Валите и эту! — с сожалением указал горар ещё на одну высокую стройную сосну. — Жалко пилить такую, да нельзя поставять только сухостой, заподозрят. А ты, Пишта, снимай кору и рассказывай, как разошлось воззвание к солдатам.

Пишта не успел ничего сказать, все обернулись на шум и треск, донёсшийся из берёзняка.

Как преследуемый волками лось, на делянку выбежал Маречек. Огляделся по сторонам и, задыхаясь, прошептал:

— Простите, товарищи. Опоздал. Чрезвычайное проис-

шествие задер... — он проглотил половину слова и, вынув из кармана белый, аккуратно сложенный платочек, торопливо вытер покрывшееся испариной полное, розовое лицо.

— Можно подумать, что Гитлер уже чай пьёт в Москве, — с недовольством заметил Кошик, не любивший горячки. — Вон ручеёк, охладись да сядь, чтоб меньше тебя видели.

Сбиваясь и не договаривая, Маречек рассказал, что подслушал разговор коменданта о подпольной типографии.

— Я понял, что они давно знают, где помещается «Валашка Яношика», да чего-то ждут.

— Чего ж им ждать, — понимающе кивнул Кошик, — засечь побольше следов к ней. Ну, что ж, подробно обо всём доложите партийному собранию.

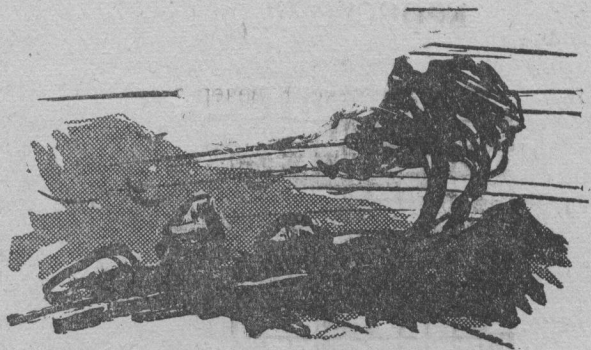
Все, кроме Кошика, подошли к поваленным брёвнам и топорами начали снимать с них кору, одновременно обсуждая новость.

После недолгих споров партийное собрание постановило Маречека снять с работы в Старых Горах, где он занимался слежкой за полицией, и перевести в типографию. А типографию как можно скорее увезти в другое место и больше не называть «Валашкой Яношика».

5. ОШИБКА ГРИШИ КРАВЦОВА

НОЧЬЮ разгулялась непогода, разбушевалось бескрайнее море леса. Ветер загудел, застонал в верхушке старой ели. Тяжёлые, мокрые ветви шумели сердито и жалобно.

Темно, холодно, неуютно под елью, а костёр разводить не хотелось. Да и ничего не хотелось делать, ни на что не хотелось больше надеяться.

Тесно прижавшись, спина к спине, Гриша и Ежо лежали под елью. — Теперь всё пропало, — шептал Ежо.

— Нет! Не пропало, — перечил ему Гриша. — Пока и Лонгавер и мы живы, не пропало! Но что придумать, не знаю.

— Если перевезут бачу куда-нибудь в большой город, в настоящую тюрьму, тогда попробуй придумать...

— Не зуди, Ежик! И так черти по сердцу скребут. Спи...

— Сплю, — сдался Ежо и закутал голову концом плащ-палатки, прикрывшей обоих. — Утром пойдём в Туречку, что-нибудь да узнаем.

Гриша молчал. Он был зол на себя за недостаток находчивости, решительности, за все неудачи, которые постигли его. Закрыв глаза, он старался уснуть. Но перед ним снова и снова вставал Вацлав Гудба...

«Гришькоо! Гришькоо! Если хочешь бить фашистов...»

Гриша вдруг сорвал плащ-палатку, вскочил:

— Ежик! Идём!

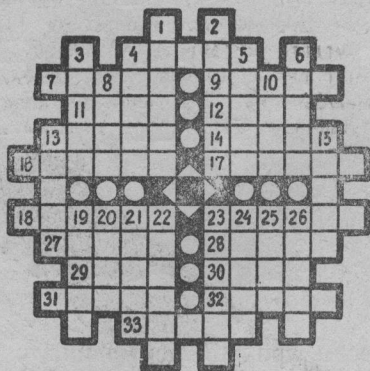
— Куда?

— По моим следам пришли полицейские. Я виноват, что Лонгавера взяли, я должен его и выручать!

— Как же ты его выручишь? Сами ещё попадёмся!

— Когда помогаешь другому, не думай о себе. Идём!

(Продолжение следует)

По вертикали. 1. Кустарник с красными горькими ягодами. 2. Птица из семейства вороновых. 3. Бродячий фокусник в Индии. 4. Давление, нажим. 5. Поэма М. Ю. Лермонтова. 6. Вещество, из которого образован наружный покров членистоногих. 8. Напиток. 10. Хищник из семейства кошек. 13. Тяжёлый, острый молоток для рубки железа. 15. Спортивный инвентарь. 19. Молочный продукт. 20. Юноша, поднявшийся к солнцу на крыльях, скреплённых воском (в древнегреческой мифологии). 21. Приём воздушного боя, требующий особого мужества и отваги. 22. Учёный, изучающий строение живого организма. 23. Ядовитое растение из семейства лютиковых. 24. Плётёное изделие для украшения одежды, мебели и пр. 25. Персонаж из романа «Три мушкетёра». 26. Органическое соединение.

По горизонтали. 4. Население, жители страны. 7. Степень свечения раскалённого тела. 9. Великий русский художник. 11. Предприятие горнодобывающей промышленности. 12. Яма, глубокое место на реке. 13. Прибор для усиления тяги в паровой топке. 14. Актёр, играющий комедийные роли. 16. Первая из малых планет, открытая в 1801 г. 17. Южноамериканское плодое растение. 18. Название некоторых кустарников, преимущественно ивовых. 23. Город на одноимённой реке в Красноярском крае. 27. Инструмент для чеканки. 28. Одна из сторон в прямоугольном треугольнике. 29. Осветительное устройство автомобиля. 30. Сорное растение. 31. Морской разбойник. 32. Советский писатель, пишущий для детей. 33. Старый революционер, позднее — видный советский работник, имя которого носит прядильно-ткацкая фабрика в нашем городе.

ЗАДАЧА БУКВ

(Составила читательница Оля Куликова)

	Е	Н	Ь		Р	Е	З		Л	Ь	Х	
	Д		О		Н				Ш			
	А	Р			Р	Я			А			
	Ж	Е			Л				К			
	И	С	В		Н	И	Ц		О	С	Н	

Впишите в свободные клетки буквы, но так, чтобы получились названия четырнадцати деревьев и кустарников.

ЧАЙНВОРД „СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ“

(Составил
Ю. Неменок)

та. 6. Лётчик, первым совершивший таран в Великой Отечественной войне. 7. Видимое небо. 8. Верный товарищ. 9. Одна из трёх лётчиц, сделавших перелёт на самолёте «Родина». 10. Летательный аппарат легче воздуха. 11. Особый вид авиабомбы. 12. Род войск в Советских Вооружённых Силах. 13. Участок в воз-

1. Лётчик, именем которого назван Тушинский аэродром в Москве. 2. Самолёт, способный подниматься и спускаться по отвесной линии. 3. Самолёт с тремя плоскостями. 4. Лётчик, первым в мире совершивший мёртвую петлю. 5. Приспособление для приведения в движение самолё-

духе, где самолёт непроизвольно резко снижается, как бы «проваливается». 14. Первоклассный лётчик. 15. Знак, обозначающий какое-либо понятие, образ, воплощающий какую-либо идею. 16. Великий русский учёный, создавший первую модель вертолёта.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы к «Искорке» № 9)

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Блюминг. 6. Атлас. 8. Актёр. 13. Коммунизм. 14. Ялта. 15. Арка. 16. Осколок. 17. Гоби. 19. Тали. 20. Светосила. 21. Триас. 23. Вьюга. 24. Тройник.

По вертикали. 1. Гюйс. 2. Пила. 4. Атака. 5. Ферма. 7. Атмосфера. 9. Клинопись. 10. Долгота. 11. Мухомор. 12. Такелаж. 18. Искра. 19. Тайга. 22. Стог. 23. Винт.

СПИРАЛЬ

Шило, агат, рота, Амур, дина, Азов. По спирали: шарада, зов, ара, тол, иго, минута.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФИЛАТЕЛИСТ

Поскольку марки продаются с десятипроцентной наценкой, стоимость их всегда должна делиться на 11.975 на 11 не делится.

ШАРАДА

Балаклава.

АРХИТЕКТОРЫ, СТРОИТЕЛИ ПЕТЕРБУРГА

1. Кваренги. 2. Растрелли. 3. Монферран. 4. Трезини. 5. Старов. 6. Росси. 7. Ринальди.

ЗАДАЧА

Новые слова — ясень, олово, тол, гора, араб, дом, аист, лук. В клетках — я отгадал! (Или я отгадала!).

СОДЕРЖАНИЕ

Осуществление мечты. Стихотворение В. Кузнецова	1
Эстафета славы. Стихотворение И. Ринка	2
Сверхплановые детали. Стихотворение Н. Кутова	2
Первый орден. Рис. В. Сердюкова	3
Это было в Мурманске. П. В. Толстов	4
Песня о гибели комсомольца. Стихотворение А. Малышко	9
Из летописи комсомольской славы	10
Второй орден. Рис. В. Сердюкова	11
Стихи о городе Комсомольске. Н. Новосёлов	12
Ровесница. Стихотворение С. Граховского	17
Из летописи комсомольской славы	18
Третий орден. Рис. В. Сердюкова	19
Три фронтовых истории. А. Сапаров	20
Песни комсомольской юности	30
Четвёртый орден. Рис. В. Сердюкова	31
Сварщик. Стихотворение К. Киселёва	32
Строитель. Стихотворение Н. Кутова	32
Пятый орден. Рис. В. Сердюкова	33
Морей повелитель. Стихотворение И. Строганова	34
Судьба человека. Стихотворение В. Самсонова	36
Хозяин идёт по городу. Г. Князев	37
Олимпийский чемпион. В. Набутов	44
Валашка Яношика. А. Дугинец	50
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева «Комсомольцы».

На второй странице обложки — фотомонтаж Г. Лугового.

На третьей странице обложки — «Это создали ребята».

На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекташева «Путешественники в Космос».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51

Сдано в набор 13/IX. Подписано к печати 17/X 1958 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 6,16
М-45482 Заказ № 1369. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Это создали ребята

В обширных залах Музея Академии художеств, что в Ленинграде, выставлены детские рисунки.

...Октябрь 1917 года. На Неве стоит легендарный крейсер «Аврора». Этот исторический момент запечатлели в своей картине школьники Валерий Котанов из 85-й школы и Валерий Маслечкин из 245-й школы.

Любят и знают свой город ленинградские школьники. С большой теплотой и любовью рисуют они виды Ленинграда. «Зимняя канавка» — работа ученика 245-й школы Валерия Маслечкина.

А вот картина «Сбор утиля». Ее очень правдиво нарисовала Таня Беляева из 6-го класса 95-й школы.

Свою выставку юные художники посвятили 40-летию комсомола.

ЦЕНА 1 РУБЛЬ.

